

Григорий и Анна

История одной супружеской пары

Григорий и Анна

История одной супружеской пары

Издательство «Христианин»
МСЦ ЕХБ
2020

Григорий и Анна
История одной супружеской пары

2020 Издательство «Христианин» МСЦ ЕХБ
Издано на пожертвования верующих
Распространяется безвозмездно
Продаже не подлежит

Во все времена у Господа были на земле верные люди, которые служили Ему преданно, из любви. Ради Христа они зачастую отказывались от привилегий и почёта в обществе, теряли работу и возможность учиться, лишались уважения правителей и начальников. Поношение Христово они почитали бóльшим для себя богатством, нежели сокровища всего мира.

Эта история — о простой деревенской девушке Анне, которая в раннем возрасте поверила в Иисуса Христа, признала Его своим Спасителем и до конца жизни сохранила Ему верность. Она беззаветно полюбила Господа и ради Него многое претерпела: насмешки и гонения в школе, преследования родного отца и властей, а также шестилетнее тюремное заключение. Она готова была остаться незамужней, только бы не охладеть в любви к Тому единственному, Кому посвятила себя целиком.

В 1940 году молодой христианин Григорий прочитал в московской газете статью «Оградить молодёжь от сектантов», где рассказывалось о «некоей Анне К.» — ярой баптистке из глубинки. Он задался целью разыскать девушку, высокий дух и живая вера которой ему очень понравились. И он нашёл её!

Переписка Григория и Анны расскажет читателю о том, чем дорожили молодые люди, вступая в брак,

как доверяли Богу и о чём заботились. Молодёжь в те трудные для церкви годы была зачастую лишена пастырского попечения, и такой важный вопрос, как создание семьи, далеко не всегда решался правильно — так, как учит Библия. Юноши и девушки дружили между собой, и эта дружба нередко вызывала ссоры, зависть, приводила к нарушению заповеди целомудрия. Многие сёстры выходили замуж за неверующих. Но были и те, кто превыше всего ценили Божью волю и Божьи заповеди и совершали настоящие подвиги, оставаясь верными в своём уповании. Представителями таких христиан были Григорий и Анна.

Без особого тепла

Жители тихой Плотавы, раскинувшейся на невысоких холмах в восемнадцати километрах от областного города Курска, оживлённо передавали друг другу заурядную новость: «Ковалёв нынче стал отцом! Теперь Новый год у него будет весёлым!»

Девочка, которую назвали мелодичным именем Анна, появилась на свет морозным утром 20 декабря 1922 года. Для Егора и Евдокии Ковалёвых рождение дочери было солнечным лучиком, озарившим, хотя и ненадолго, их мрачную совместную жизнь.

Стройная, круглолицая, слегка застенчивая Доня воспитывалась в христианской семье, с детства слышала о Боге. И всё же судьбу свою решила устроить самовольно — вышла замуж за неверующего, богатого и красивого парня. Однако семейного счастья она так и не вкусила.

Егор оказался ярым атеистом и не упускал возможности досадить христианам. Любое упоминание о Боге приводило его в бешенство. В добавок ко всему он частенько пил, и тогда хрупкой жене приходилось несладко от его крепких кулаков.

У Егора с Евдокией родилось двенадцать детей. Однако изза голода и разных болезней шестерых унесла лютая смерть. И только четыре дочери и два сына, подрастая, радовались жизни.

О, как отец боялся, что его дети станут баптистами! Но сколько он ни запрещал, они всё же любили бывать у дедушки

с бабушкой, которые жили на другом конце улицы. В их уютном и тихом доме дети с наслаждением слушали библейские рассказы, учились молиться.

Родители Дони были богобоязненными и очень хотели, чтобы внуки нашли своё счастье в Боге. Не считаясь с мнением зятя-атеиста, они при любой возможности брали детей на христианские собрания, которые проходили в небольшом бревенчатом доме на краю деревни.

На тех богослужениях Аниного сердца по-особому коснулась весть о том, что Господь Иисус, живущий на небесах, любит каждого человека — и хорошего, и плохого — и хочет спасти от вечной гибели в аду. В подростковом возрасте Аня искренне покаялась и горячо полюбила Иисуса Христа. Вслед за ней обратились к Богу и её сестрички. Братики тоже не хотели отставать от сестёр и охотно ходили с ними на собрания.

Заметив в семье перемену, Егор вдруг понял, что натворили тесть с тёщей. Не скрывая ярости, он стал прилагать все усилия, чтобы разубедить детей и доказать им, что никакого Бога не существует, что баптисты — это тёмные люди, которые запросто могут принести человека в жертву...

В конце концов ему удалось переманить на свою сторону сыновей, а дочери оставались непреклонными. Побеждая страх перед грозным отцом, они тайком убегали к верующим и молились Богу.

Чувствуя, что его родительский контроль ослабел, Егор придумал суровое наказание — каждый раз, когда девочки возвращались с собрания, он встречал их с дубинкой в руках. Поколотив детей по чём попало, он выгонял их на улицу. Желая избежать неприятностей, девочки стали осторожничать, и если узнавали, что отец пьян, то даже не появлялись дома: ночевали или у соседей, или на сеновале, а летом просто в кустах картофеля.

Ане, как старшей, доставалось больше всех. Однажды в самый разгар очередной бури отец выплеснул на неё ведро холодной воды. Это произошло так неожиданно, что от испуга девочка чуть не лишилась чувств. С тех пор она стала страдать заиканием.

Робкой Доне было не под силу усмирить мужа. Её сердце

рвалось на части, когда она видела его зверство и слышала плач детей. Как могла, она помогала дочерям прятаться от разъярённого отца, за что сама оказывалась под его издевательской рукой.

Гонения от близкого человека заставляли Доню искать помощи у всемогущего Бога. В конце концов она с воплем о милости и прощении упала на колени и, раскаявшись, дополнила число всеми презираемых христиан.

Чего только не испытала мать с детьми за то, что посещала собрания и молилась Богу! Но чтобы отречься от Господа, как требовал того муж, — об этом ей было страшно даже подумать.

Егор между тем стал членом коммунистической партии и всё выше поднимался по служебной лестнице. Однако баптистские корни в собственной семье с некоторых пор начали подрывать его авторитет.

— Какой же ты глава семьи, если тебе ни жена, ни дети не подчиняются? — ухмылялись коллеги.

После таких реплик Егором овладевала особая жестокость. Выслушав однажды очередной упрёк, он решил устроить дома погром.

Вдохновлённый коварным планом, Егор быстро приближался к своему двору, как вдруг случилось невероятное. Перед ним возник его покойный друг Николаха. Грубо взяв Ковалёва под руку, он властно произнёс:

— Егор Андреевич, пойдём с тобой выпьем!

Внутри у Егора похолодело.

«Какой же это Николаха? — заметались мысли. — Мы же на днях похоронили его!»

Егор вдруг почувствовал себя совершенно бессильным. Храбрость и деловитость вмиг улетучились, сердце будто остановилось, язык онемел. Не смея противостоять этой тёмной личности, Егор покорно пошёл следом.

На землю опустилась холодная осенняя ночь. Давно исчезли из виду огоньки, мерцающие в избах, а Николаха всё тащил друга куда-то по грязи. И тут несчастный вспомнил, что родители учили его в таких случаях произносить имя Христа. С большим трудом он проговорил:

— Господи Иисусе Христе!

В одно мгновение всё исчезло. Егор осмотрелся и замер: он стоял на берегу глубокого пруда, за которым простирался лес. Значит, сатана хотел погубить его...

К утру, дрожа от холода и страха, в мокрой и грязной одежде Егор добрёл до дома. От пережитого в ту ночь он на две недели слёг в постель.

После этого события в семье Ковалёвых наступило затишье. Жена и дети отдыхали от гонений. Находясь под впечатлением из ряда вон выходящего происшествия, Егор не притеснял их, и они могли спокойно ходить к дедушке с бабушкой и вместе с ними молиться Богу.

Шёл 1937 год. Жуткое время. Свободы и жизни лишались многие честные и добропорядочные люди. Вера в Бога особенно не нравилась тем, в чьих руках была власть и сила. Молитвенные дома повсеместно закрыли — христианство, как говорится, было обречено. Со вздохами и слезами, со страхом и слабой надеждой на лучшее отдельные христиане всё же собирались, чтобы вместе помолиться Богу — ведь только в Нём и защита, и помощь.

Едва коммунист оправился от потрясения — нападки на жену и детей возобновились.

Иногда жизнь казалась Ане до того невыносимой, что ей хотелось умереть. Тогда она уединялась в амбар и, сидя на мешках с зерном, горько плакала: «Когда же Иисус заберёт меня к Себе? Когда прекратятся наши страдания?»

В то же время мысль о том, что она не сделала для Бога ничего доброго, действовала отрезвляюще. Ещё в детстве Аня слышала, как проповедники говорили, что после смерти человек превращается в прах, а его дух возносится к Богу и добрые дела идут следом.

— Что полезного сделали мои руки?.. — роняя слёзы, шептала девочка.

В такие минуты её молитва становилась особенно пламенной, и умирать уже не хотелось.

Под натиском безбожников

Как только Аня закончила седьмой класс, отец отправил её в среднюю школу, расположенную в пятнадцати километрах от Плотавы. Он надеялся, что дочь, живя среди чужих людей, забудет о Боге. Но его желание не исполнилось. Приезжая на выходные домой, Аня всегда умудрялась попасть на собрание. В общении с христианами она черпала силу, и ей всё больше и больше хотелось жить для Бога.

Когда Егор понял, что не справляется с сектанткой, он обратился за помощью в райисполком. На очередном партийном собрании он заявил:

— Уважаемые коллеги! Как вам известно, моя старшая дочь упрямится и не поддаётся воспитанию. Все мои попытки изолировать её от баптистов — безуспешны. Прошу вас повлиять на неё.

На эту просьбу представители власти отреагировали быстро: Аню стали каждый день вызывать к директору. В кабинете несколько учителей подолгу беседовали с ней, стараясь поколебать её веру.

— Неужели ты не понимаешь, что Бога не было, нет и не будет?! — распалялся директор школы. — Главное — человек! Мы строим светлое будущее, мечтаем о прекрасном обществе, хотим дать людям образование, а ты увлеклась сказками...

Ученики тоже стали посмеиваться над Аней. Но она стояла на своём: Бог есть, и Он достоин того, чтобы Ему служили.

Взрослея, Аня всё больше дорожила тем, что Иисус Христос протянул ей руку милости. Она в полной мере ощущала в сердце радость спасения, и это делало её счастливой.

В десятом классе Аню признали неисправимой и решили исключить из школы. Перед Новым годом директор строго сказал:

— Ковалёва, в школу больше не приходи. Хватит! Долго мы с тобой нянчились, и всё без толку... Или молись, или учись!

Эти слова девочка не приняла всерьёз.

— Я глубоко верю в Бога и не могу не молиться, — улыбнулась она в ответ.

Зимние каникулы Аня провела дома. О последних беседах в школе отец ничего не знал, поэтому был спокоен, думая, что перевоспитание дочери идёт полным ходом.

С наступлением третьей четверти Аня уехала на учёбу. Увидев её за партой, директор возмутился:

— Я же тебе сказал не появляться здесь!

Под насмешки и презрительные взгляды учеников Аня вынуждена была собрать учебники и выйти из класса.

«Что мне теперь делать? Куда идти?» — сдавливала её душу глубокая печаль. Дома отец непременно выпорет кнутом, ведь обучение дочери стоило ему очень дорого: за квартиру и питание он платил немалые деньги. Чтобы уехать к кому-нибудь из родственников, девочке и в голову не приходило, поэтому, глотая слёзы, она вернулась в родную деревню.

Увидев дочь, Егор рассвирепел не на шутку. Аня ясно поняла, что надо прятаться. Ночевала в сарае, стараясь не попадаться отцу на глаза. Целыми днями она плакала и молилась, ожидая каких-либо перемен.

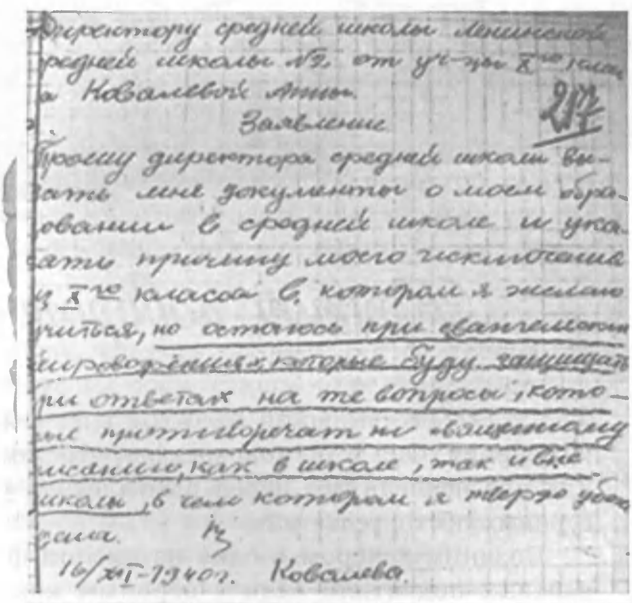
В эту трудную пору Господь по-особенному утешал и поддерживал Своё дитя, и Аня ясно видела Его заботу.

Однажды в воскресенье, после вечернего собрания, Аня пошла ночевать к подруге. Перед сном девочки преклонили колени для молитвы. Аня горько плакала, просила Господа, чтобы помиловал её и вывел из трудностей. Неожиданно в её сознании прозвучало слово: «Благословенна ты!»

Аня встрепенулась. Необычным теплом разлился по сердцу мир, вытесняя гнетущую печаль.

«Это Господь отвечает на мою просьбу, — озарило её. — Если Он меня благословит, то всё будет хорошо... »

«Благословенна ты!» Эти небесные слова сопровождали Аню всю жизнь. На каждом шагу она видела благословляющую руку великого Бога и с трепетом в душе вспоминала, как чудно Он ответил однажды на её молитву.

Директору средней школы Ленинской средней школы №2 от уч-цы X-го класса Ковалевой Ани.

Заявление

Прошу директора средней школы выдать мне документы о моем образовании в средней школе и указать причину моего исключения из X-го класса в котором я желаю учиться, но остаюсь при евангельских убеждениях которые буду защищать в ответах на те вопросы, которые противоречат не «Священному писанию», как в школе, так и вне школы, в чем котором я твердо убеждена.

16/XII-1940 г. Ковалева

Просьба Ани к директору школы

Целый месяц Аня не училась в школе. Когда отец уходил на работу, она помогала матери по хозяйству, а как только он возвращался — убегала в сарай или к бабушке.

Несколько раз к Ковалёвым приезжали учителя и представители власти.

— Если пообещаешь выбросить из головы свои сектантские убеждения, — говорили они Ане, — то можешь продолжать учёбу. Мы поможем тебе наверстать упущенное.

Ане очень хотелось в школу, но согласиться с таким предложением она не могла. Её сердце принадлежало Господу Иисусу и не верить в Него, не любить Его было для неё равносильно смерти. Она твёрдо знала — во всём мире нет ничего лучшего, чем то, что обещает ей Господь, что Он приготовил для любящих Его. И потому она ежедневно просила: «Боже, научи меня правильно мыслить, правильно поступать, правильно жить. Помоги отличать Твой голос от голоса врага!..»

Крутой поворот

Наступивший 1940 год внёс в жизнь Ани огромные изменения. Она и не подозревала, что зимние каникулы будут для неё последними перед шестилетней учёбой в невероятно суровых обстоятельствах.

Поздним вечером в одну из пятниц февраля ко двору Ковалёвых подкатили сани с вороным конём. В дом без стука смело вошла пионервожатая школы.

— Аня, быстро одевайся, мне велено привезти тебя в райисполком! — скомандовала она.

Такому повороту событий Аня сильно не удивилась. Несколько дней назад она видела необычный сон, из которого поняла, что с ней должно что-то произойти. А сегодня они с матерью постились и горячо просили у Господа милости и защиты от зла. Поэтому ей следовало быть спокойной и во всём доверять Богу.

У здания райисполкома сани остановились, и пионервожатая ввела Аню в огромный зал. Там за длинным столом сидело начальство всего района. Двадцать пар глаз устремились на щупленькую деревенскую девушку, в памяти которой невольно всплыли слова псалмопевца Давида: «Против кого вышел царь Израильский? За кем ты гоняешься? За мёртвым псом, за одною блохою».

Вежливо указав Ане на стул, секретарь райисполкома начал беседу.

— Мы очень сожалеем, что ты оказалась жертвой баптистской секты. Нам жаль тебя как дочь, поэтому мы хотим по-

мочь тебе выпутаться из этих сетей. Если одумаешься — сможешь продолжить учёбу в школе, а потом мы устроим тебя на хорошую работу. Или же бесплатно поедешь в Москву с нашими гостями, — кивнул он в сторону двух девушек.

Оказывается, на это заседание приехала сотрудница Центрального комитета комсомола, а также — редактор газеты «Комсомольская правда». Что они здесь делали, Аня узнала намного позже. Это был Божий промысл, который она поняла лишь спустя годы.

— Ты никогда ничего не видела в своей деревне, поэтому тебе и вдолбили в голову, что есть какой-то Бог, — продолжал секретарь. — А в Москве ты посмотришь на великие достижения человеческого ума и убедишься, что Бога действительно нет, что всё во всём — человек!

Аня слушала молча. Да, она никогда никуда не ездила, и познакомиться с Москвой было превыше её желаний. Но отказаться от Бога — об этом не могло быть и речи!

Едва секретарь закончил своё выступление, как Аню засыпали вопросами. Она отвечала без страха, скромно, вспомнив обещание Иисуса Христа: «Когда же приведут вас в синагоги, к начальствам и властям, не заботьтесь, как или что отвечать, или что говорить, ибо Святой Дух научит вас в тот час, что должно говорить».

В конце беседы женщина, сидящая с краю, спросила:

— Аня, что тебе непонятно в науках? Почему ты так сильно убеждена в существовании Бога? Ведь доказано, что Его нет!

Девушка словно ждала этого вопроса и на одном дыхании выпалила:

— Если Бога нет, то кто создал планеты и бесчисленные гигантские звёзды? Кто разместил их во Вселенной и определил их траекторию? Люди — разумные существа, они создали технику и могут управлять ею, но ежедневно случаются самые разные аварии. А в космосе — множество небесных тел, которые движутся без всякого управления и не мешают друг другу! Как тут не восхищаться Богом? Не человек же всё это придумал!

В зале наступила тишина. Юная христианка привела собравшихся в замешательство. Их настроение сразу ухудшилось,

лица исказились от гнева. В адрес беззащитной девушки посыпались насмешки и оскорбления.

— Мерзавка! — разошёлся секретарь. — Нам завтра на работу, а мы здесь до ночи бьёмся с тобой, время тратим... Ладно, не понимаешь по-хорошему — поймёшь по-другому: мы возьмёмся за твоё перевоспитание! Утром в десять ноль-ноль ты должна явиться к начальнику милиции. Ясно?

Аня ничего не сказала, да ответа никто и не ждал. За четыре часа напряжённой беседы все изрядно устали. И всё же душа христианки была преисполнена хвалы Господу за то, что ей, такой несмелой, Он помог устоять в истине.

Ане было жалко этих высокопоставленных людей, которые не хотели слышать о Создателе и так бездумно боролись с верующими.

«Прости им, Господи! — молилась она. — Не знают, что делают...»

Было уже два часа ночи, когда беседа с Ковалёвой закончилась и все стали расходиться.

Аню и девушек из Москвы пригласила к себе на ночёвку пионервожатая. Ужинать Аня наотрез отказалась, хотя за целый день не взяла в рот ни крошки. Она решила оставаться в посте.

Наутро, как и было приказано, Аня пришла в кабинет начальника милиции. Чиновник встретил её холодно и сразу начал задавать вопросы.

«Что они задумали?» — терялась в догадках Аня, стараясь больше молчать.

Лишь после обеда, еле передвигая ноги от усталости, девушка вернулась домой.

Два месяца её никто не тревожил, хотя жить в родной семье было весьма трудно — отец следил за каждым шагом дочери и не переставал упрекать в том, что она испортила ему судьбу и карьеру.

Третий день Пасхи, 30 апреля 1940 года, начался как обычно. Солнце было уже высоко, когда группа Плотавской молодёжи отправилась в соседнее село навестить больного брата. Никто и не подозревал, что это путешествие по

весенним дорогам и тёплое общение с друзьями окажутся для Ани последними перед долгим сроком заключения.

Возвращаясь домой, юноши и девушки встретили на околице Анину сестрёнку. На её лице играла блаженная улыбка.

— Какую весть несёшь, Танечка? — будто что-то предчувствуя, спросила Аня.

— Радостную! Приехали арестовать нас за Христа!

Сердце Ани дрогнуло: значит, её свободе пришёл конец.

«Маму в тюрьму не заберут, потому что у неё грудной ребёнок, а сестрёнки ещё слишком малы для ареста...» — подумала она.

Услышанное поразило не только Аню. Её друзья в один момент посерьёзнели, кто-то заплакал. Свернув с просёлочной дороги на луг, все опустились на колени, чтобы помолиться. Не в силах сдержать нахлынувших чувств, Аня рыдала, умоляя Господа пойти с ней в неизвестный путь.

Предвестником неотвратимой беды чернел стоящий у ворот грузовик. Он действительно приехал за девушкой, которая осмелилась верить Богу в атеистической стране.

В избе, на лавке у окна, рядом с Егором сидели два милиционера. Их каменные лица не испугали Аню.

— Собирайся, поедешь с нами, — сказал один из них, что-то записывая в свой журнал.

Пока мать складывала в котомку вещи, Аня подошла к висящей посреди комнаты колыбели. В ней безмятежно спала полугодовалая девочка. Аня глядела на это крохотное создание, и её сердце обливалось кровью.

«До свиданья, моя родненькая! — мысленно прощалась она с сестрёнкой. — На земле я тебя больше никогда не увижу...» (Так оно и случилось: буквально через несколько месяцев малютка умерла.)

— Ну доверовалась, домолилась! — то вскакивал, то садился Егор. — Хотел вывести тебя в люди, столько времени и средств потратил, чтобы дать тебе образование!.. Ты же ударилась в сектантство, довела себя до тюрьмы... Хотел выдать тебя за инженера, чтобы жила по-человечески, а ты всё испортила... всё испортила!

Аня молчала и не двигалась с места, зная, что в присутствии

милиционеров отец не станет её бить.

Когда вещи и кое-какие продукты были собраны, Ане приказали вместе с матерью сесть в кузов грузовика, вокруг которого стояла верующая молодёжь. Милиционеры тоже забрались в кузов, словно сопровождали опасных преступников.

Как только машина тронулась, друзья, роняя слёзы, стали махать ей вслед белыми платочками.

Прыгая по кочкам и ухабам, грузовик мчал в неизвестность, всё дальше и дальше отдаляя Аню от любимой деревни.

— Родная моя, за меня не волнуйся, — обняла она мать. — Надейся только на Господа. Утешайся Им, Он никогда не покинет нас...

Проехав поле, машина остановилась у главной дороги.

— Возвращайся домой! — повернулся к Евдокии один из милиционеров.

Поцеловав дочь, женщина с трудом сдержала крик материнского сердца и, заплакав, послушно спрыгнула на землю. Её осунувшееся, траурное лицо осталось в Аниной памяти навсегда.

Убитая горем мать брела домой, не разбирая дороги. Время от времени она безнадёжно оглядывалась и, ломая руки, в голос молила Бога о милости.

Аня же на удивление пока не горевала. На душе у неё было легко и спокойно, и совсем скоро она громко запела:

Дай, Боже, сердцу веры крылья,
Чтоб вознестись туда,
Где нет неправды и насилья,
Где мир царит всегда!
Много святых ожидает нас там,
В мире блаженства, чудес.
Сердце стремится в торжественный храм
Вечного Бога небес...

Милиционеры переглянулись.

— Девочка, ты знаешь, куда мы тебя везём? — ухмыльнулся один.

— Знаю. В тюрьму.

— Тогда почему ты такая весёлая?

— Потому что еду в тюрьму за Христа!..

Милиционеры, конечно же, ничего не поняли. Неверующей душе неведомо блаженство, которое испытывает уповающее на Бога сердце. Господь Иисус сказал: «Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас».

В Курске грузовик остановился у здания НКВД. На территории этого государственного учреждения располагалась тюрьма.

Надзиратель молча принял от милиционера бумаги и повёл задержанную по длинному полутёмному коридору. Открыв одну из массивных металлических дверей, он втолкнул семнадцатилетнюю девушку в смрадную камеру...

В тюрьме

Бряцание ключей, жуткий грохот железной двери обычно приводят заключённых в страх. В сталинские годы лязг тюремного замка нередко был вестником смерти. Попавшему в застенки почти невозможно было выжить, если он не знал Бога. В отчаянии люди нередко сходили с ума или же заканчивали жизнь самоубийством.

Наблюдая эти ужасные сцены, Аня думала о том, какая большая разница между христианином и человеком, отвергающим Спасителя. Господь не оставляет Своих детей, ободряя каждого неизменным обещанием: «Не бойся, ибо Я с тобою; не смущайся, ибо Я Бог твой; Я укреплю тебя, и помогу тебе, и поддержу тебя десницею правды Моей». А у неверующих нет ни утешения, ни подкрепления, ни надежды на лучшее.

В течение двух недель Аню ежедневно вызывали на допросы и предлагали отказаться от веры в Бога.

— Очень жаль, что ты так глупо губишь свою молодость! — с напускным сочувствием заявил однажды следователь. — Одумайся, пока не поздно! Мы поможем тебе подняться и выйти в люди. Ты же способная, умная девушка!

В очередной раз он сказал:

— Посмотри, как на улице хорошо! А ты сидишь в холодном подвале... Неужели тебе не хочется на свободу, домой? Напиши вот на этом листочке, что не веришь в Бога. И сразу поедешь к маме.

Аня взглянула в окно. За стенами этого мрачного здания

цвела и благоухала весна. Она манила свободой, красотой и чистым воздухом...

«Нет, Иисус Христос однажды отверг все предложения сатаны, — вдруг вспомнилось Ане. — Нет, ни за что не променяю веру в моего Бога и любовь к Нему на временное наслаждение...»

— Нет, гражданин следователь, я не могу этого сделать! — взволнованно сказала она. — Мне очень хочется домой. Я действительно люблю природу. Только как я буду наслаждаться ею, если отрекусь от Бога — Творца всей земли?! Совесть не даст мне покоя!.. Нет, лучше умереть в сырой камере, но с Христом, чем выйти на свободу и жить без Него!

— Тогда мы будем тебя судить! — отчеканил следователь.

Последующие две недели Аню никуда не вызывали. Всё это время должностные лица дознавались, занималась ли арестованная пропагандой в школе, вовлекала ли кого-нибудь в свою секту. Это требовалось для обвинения. Аниных одноклассников принуждали говорить, что Ковалёва — ретивая баптистка и проповедовала веру в Бога, мешая строить светлое будущее. Все, кто отказывался подтверждать эту клевету, получали строгий выговор.

Когда допросы возобновились, Аня заметила, что следователя будто подменили: он был строг и суров, его голос нередко срывался на крик. Потрясая руками, он возмущённо обвинял Аню в том, что она занималась антисоветской деятельностью, разлагала учеников в школе.

— Что вы говорите, гражданин следователь? — не переставала удивляться допрашиваемая. — Какой же я антисоветчик и когда успела им стать?! Я никогда никуда не ездила, дома отец постоянно бил меня за веру, а в школе все смеялись надо мной... Я только плакала и молилась — вот и вся моя деятельность.

— Не спеши доказывать свою невиновность! — повысил тон следователь. — У нас есть факты. Тебе известно, что мы боремся с религией. Как пережиток прошлого, она мешает нам строить светлое будущее. А ты, гражданка Ковалёва, не идёшь с нами этим путём, значит ты — против советской власти!

Низко опустив голову, Аня сидела перед следователем и мысленно молилась.

— Кто говорил ученикам о конце света, давая понять, что заниматься уроками необязательно? — продолжал следователь. — По вашему сектантскому убеждению, всё земное — ничто, главное — небесное, значит, можно не учиться и не работать. Наверное, поэтому в школе так много отстающих?..

— Я прилежно училась и отрицательно повлиять на одноклассников не могла, — чуть ли не шёпотом промолвила Аня.

Следователь долго что-то писал, потом протянул исписанный лист:

— Распишись вот здесь...

Прочитав совершенно ложную информацию о себе, Аня ужаснулась.

— Подписывать такое не буду, — проговорила она печально.

Четыре месяца, пока длилось следствие, Евдокия исправно передавала дочери в тюрьму домашние яйца, сало, белый хлеб. Поэтому Аня, хотя и страдала морально, голода не испытывала.

В камере с ней сидели две монашки — родные сёстры,

арестованные за личные убеждения. Девушки быстро сдружились. Они много беседовали о Боге, вместе молились.

В Курской тюрьме находились ещё три брата из Плотавской общины: хозяин дома, в котором собирались верующие на богослужения — Н. Ф. Дроздов, проповедник — Н. В. Погибелев и Ф. С. Агарков, Анин дядя. Их арестовали на две недели раньше, и теперь Аня мечтала с ними встретиться. Господь исполнил её желание.

Это произошло 22 августа 1940 года, когда узников вместе повезли на суд в другой конец города. В воронке, разделённом на узкие и низкие отсеки, подсудимых разместили по одному. Воздуха явно не хватало, а путешествие длилось долго. Но сознание того, что за перегородкой находятся дорогие братья, вселяло в Аню неземную радость и придавало сил.

Возле здания суда стояло много верующих. Увидев милые лица друзей, Аня едва сдерживала чувства.

— Приветствую всех любовью Иисуса Христа! — воскликнула она, проходя мимо.

Евдокия, встретившись с дочерью глазами, заплакала.

— Довела дочку до тюрьмы! — подскочил к ней Егор и, пылая злостью, с размаху ударил по щеке.

Суд был закрытым. Ни родных, ни друзей в зал не впустили. Присутствовал только Егор Андреевич в качестве свидетеля. Он винил своего шурина Ф. С. Агаркова за то, что тот втянул в баптистскую секту его несовершеннолетнюю дочь.

Братьев обвиняли в религиозной пропаганде, вовлечении детей в секту, в антисоветских клеветнических измышлениях.

Разбирательство продолжалось до вечера. Когда суд ушёл на совещание, конвоиры разрешили подсудимым пообщаться. На два часа Аня забыла о голоде и жажде, слушая отцовские наставления дорогих братьев.

После небольшого перерыва суд вынес немилосердный приговор: Н. Ф. Дроздов лишён свободы на десять лет, Н. В. Погибелев — на восемь лет, Ф. С. Агарков — на семь лет. Юную А. Е. Ковалёву приговорили к пяти годам заключения.

Поздно вечером осуждённых доставили в тюрьму, и с братьями Аня больше не встречалась. Её водворили в маленькую,

похожую на колодец, двухместную камеру, в которой находилась сумасшедшая женщина.

Едва новенькая несмело переступила порог, ненормальная завизжала:

— Квартирантку мне привезли, квартирантку!

Вид у неё был дикий и безобразный. В страхе и ужасе Аня сжалась при мысли, что сокамерница будет над ней издеваться. Она тут же встала на колени и попросила у Господа защиты. В ответ её сердце наполнилось миром и ощутило Божью любовь. За полтора месяца, которые Аня провела в этой камере, женщина ни разу не обидела её.

После утверждения приговора Аню отправили в пересыльную тюрьму города Валуйки (Белгородская область).

В небольшой камере теснилось около шестидесяти человек. Спали прямо на полу. Духота, вши и клопы буквально сводили женщин с ума. К счастью, через несколько дней Аню и четырёх монашек перевели в другую, шестиместную камеру, где они спали на нарах и были избавлены от насекомых.

Арестантская доля

С началом Великой Отечественной войны тюремные условия резко ухудшились. В октябре 1941 года Валуйки попали под бомбёжку. Всех заключённых немедленно этапировали вглубь страны.

Под проливным дождём огромную колонну женщин пригнали на вокзал и погрузили в товарные вагоны. На три дня пути каждому выдали по буханке хлеба и триста граммов камсы. Вечно голодные заключённые с жадностью съели хлеб и рыбу, не зная, что после этого им придётся долго мучиться от жажды. К тому же вместо трёх суток их везли целых пятнадцать, так как по железной дороге пропускали в первую очередь эшелоны с солдатами и военной техникой.

Наконец прибыли в Куйбышев (сегодня Самара), в исправительно-трудовую колонию, в которой насчитывалось четыреста женщин и около пяти тысяч мужчин.

В обязанности заключённых входило строительство бараков для эвакуированных. Работали по двенадцать часов, а утром и вечером подолгу стояли на перекличке.

Осень выдалась слякотная, укрыться от измороси было негде, узники промокали насквозь, страдая не только от холода, но и от голода. Благо, одна старушка в Плотавской общине связала Ане шерстяные носки, в которых ноги не так жутко мёрзли.

После работы каждый должен был выдержать мучительную поверку, затем отстоять в очереди, чтобы сдать одежду и обувь в сушилку, и только потом — получить порцию отвратительной похлёбки. После таких мытарств люди обессиленно

падали на жёсткие нары и забывались тяжёлым сном. Матрацем Ане служил вещевой мешок, в котором лежали сапоги и сменное бельё.

В столь жутких и невыносимых условиях выживали далеко не все. Ежедневно за территорию лагеря вывозили на подводе покойников.

Юная христианка всегда старалась найти в себе силы для молитвы и от всего сердца благодарила Господа за то немногое, что имела. Никогда не забывала благодарить и за то, что Господь не оставляет её одну в мире зла и греха.

Однажды, придя с работы, Аня обнаружила, что её вещевой мешок пропал: кто-то украл всё её имущество. Жаловаться было бесполезно и опасно — воры мстили жестоко. Единственное, что она могла сделать — преклонить колени и выплакаться в общении со своим Возлюбленным.

«Дорогой Господь, только ради Тебя я иду этим скорбным путём, — шептала Аня. — Поддержи меня! Утешь меня! Я верю, что с Твоей помощью можно перенести всё. Благодарю за то, что Ты со мной...»

С наступлением холодов Аню перевели в портновскую мастерскую.

«Это Господь вступился за меня!» — радовалась девушка.

Здесь тоже работали по двенадцать часов, но было сухо и тепло. Аня сразу почувствовала облегчение.

С утра до вечера она ремонтировала или перешивала одежду, привезённую с фронта. Вначале в прачечной всё стирали, сушили, затем отправляли в портняжную. Работа Ане нравилась, она умела шить. Однако обстановка в цехе не радовала её. Вокруг только и слышались скверные анекдоты и пошлые рассказы. Это бесстыдство смущало Аню, а приставания со стороны мужчин забирали много сил — как душевных, так и физических.

Чтобы облегчить лагерную жизнь, многие женщины вступали в любовные связи с поварами и хозобслугой, за что получали вознаграждение от своих партнёров. На обед они всегда имели вдоволь хлеба, нередко лакомились рыбой или же отварной косточкой. Да и баланда у них была погуще...

Аня не могла смотреть на их пищу равнодушно. Наскоро

похлебав щи из подпорченных капустных листьев, она клала голову на стол и закрывала глаза, чтобы не видеть, что едят соседки. Свой хлеб, всю дневную порцию, она съедала утром, а обедала и ужинала без хлеба. Тоскливо и больно ныло под ложечкой. Тело требовало пищи, но добывать её греховным путём Аня категорически отказывалась.

— По-другому не выживешь! — оправдывались некоторые женщины. — Брось свои предосторожности, живи как все! Не волнуйся, Бог простит тебе...

— Нет, лучше умереть с голоду и быть в обителях Небесного Отца, чем за кусок хлеба целую вечность мучиться в аду! — кротко отвечала христианка.

— Да ты ненормальная! — однажды покрутила у виска женщина с ярко накрашенными губами. — Худшего ада, чем тот, в котором мы живём, не бывает!

Мужчины тоже не давали Ане проходу, домогаясь её расположения, но она была категорична и неприступна.

«Будьте святы, потому что Я свят...» — вспоминала Аня заповедь Самого Бога, и в её душе неугасимым огнём горело желание во что бы то ни стало сохранить верность Его заповедям.

Голод изматывал, мешал нормально мыслить. Порой Ане снились мамины лепёшки, но из-за войны в течение всего срока она не получала из дома ни посылок, ни писем. Родные и друзья помнили её, молились о ней, а помочь ничем не могли.

Как-то раз в начале лета в лагере продавали мелкую морковь (после прорыва). На радостях Аня купила это лакомство и наелась, не ведая, что оно может стоить ей жизни. Истощённый организм не справился с непривычной пищей, и если бы Аню не положили в больницу, она бы к утру скончалась...

Осенью 1943 года заключённых послали в совхоз на уборку картофеля.

«Неужели моя мечта сбудется и мне удастся поесть картошки в мундире?!» — думала Аня, выбирая клубни в ведро.

Несмотря на молодость, она не могла работать быстро — не было сил. Чувство голода никогда не проходило, отзываясь

мелкой дрожью в руках, слабостью в ногах, болью в желудке и тонким покалыванием в висках.

В поле на всю бригаду разрешалось варить только один котелок, поэтому досыта поесть картошки не получалось и тут. Благо, никто не запрещал грызть сырые клубни, которые казались Ане достаточно вкусными.

В мужской части лагеря отбывал срок уже немолодой брат Алексей Бойко из Киевской области. Случалось, что во время развода на работу они с Аней могли немного пообщаться, и Алексей всегда угощал её пайкой хлеба. Как она радовалась этому драгоценному гостинцу! Как благодарила Господа за внимание и любовь к ней!

Брат Алексей работал столяром и к концу своего срока сделал Ане на память небольшой чемодан, с которым она потом и освободилась.

Прошло долгих четыре года. В Поволжье вовсю хозяйничала весна, перекрашивая округу в нежно-зелёный цвет. На улице дышалось легко — настолько легко, что кружилась голова и ещё сильнее хотелось есть.

Поздно вечером, лёжа на нарах, Аня вспомнила: завтра 30 апреля! Ровно через год она выйдет на волю! В мыслях, словно в калейдоскопе, закружились картины: родная Плотава, отчий дом, сестрёнки, мама...

Память не могла восстановить образ дорогих и близких, всё расплывалось, как в тумане, сладкие думы отнимали сон.

«Домой вернёшься только в сентябре сорок шестого...» — Ане почудилось, что эти страшные слова кто-то шепнул ей в ухо. Она приподняла голову и замерла. В бараке было тихо, все спали.

«Боже, что это? — взмолилась девушка. — Сохрани меня и помилуй! Я так хочу домой!»

Прошедшие годы казались Ане вечностью, отобравшей у неё все силы и даже юность. Нет-нет, оставаться здесь дольше пяти лет, которые ей присудили в Курске — немыслимое дело!

«Всё это от недоедания и переутомления... — решила она. — Не может быть, чтобы мне добавили срок. Я режим не нарушаю, работаю хорошо...»

Сон бежал, и Аня почти до утра лежала с открытыми глазами, убеждая себя в том, что через год всё изменится.

Время тянулось очень медленно, оставляя в душе узницы неизгладимый след тяжёлой жизни. За каждый минувший день и спокойно прошедшую ночь Аня славила Господа. Как бы ни было холодно, голодно и тоскливо, она не переставала просить у Него помощи и защиты. Именно благодаря этой зависимости от Бога она и выжила.

Ещё одно испытание

Наконец зацвела весна и 1945 года. Окрылённая приближающейся свободой, Аня считала дни до заветной даты. Однако совершенно неожиданно она узнала, что из Москвы поступил указ оставлять до особого распоряжения всех, кто отбыл срок. Когда смысл услышанного дошёл до её сознания, она почувствовала острую боль в сердце...

Указ правительства развесили повсюду: и в штабе, и в бараках. Он достаточно ясно говорил несчастным о том, что с окончанием срока их мытарства не заканчиваются. К тому же никто не знал, когда придёт это «особое распоряжение». И здесь Аня вспомнила ту пророческую мысль: «Домой вернёшься только в сентябре сорок шестого года...»

«Возможно, это Господь подготавливал меня, чтобы я не отчаивалась, — подумала она. — Я ничего не могу изменить. Буду в смирении ждать милости от Бога. Он обязательно выведет меня отсюда...»

Действительно, 30 апреля 1945 года Аню освободили от конвоя и определили на работу в строительный батальон. Слабые, истощённые невольники должны были загружать глиной вагонетки и по узкоколейке возить их на кирпичный завод. Этому изнуряющему труду люди отдавали последние силы, надеясь за прилежание в работе освободиться досрочно.

Окончание войны повсюду праздновали с торжеством и верой в лучшее. Аня переселилась из барака на квартиру к одинокой старушке, проживающей неподалёку от кирпичного

завода. Хозяйка верила в Бога, по-православному молилась. На полке у неё лежала Библия, что для Ани было верхом блаженства. Она несказанно соскучилась по этой ценнейшей Книге и с огромным наслаждением принялась читать и заучивать святые строки.

Вскоре Аню перевели на работу в столовую. Обслуживать вольнонаёмных было несравненно легче, нежели с утра до вечера возить глину.

А летом к Ане приехала мать. В тесном домике всё мгновенно засияло счастьем. Разговорам не было конца. Только теперь Аня узнала, что произошло дома после её ареста.

Оказывается, отец никак не ожидал, что собственноручно посадит своего первенца в тюрьму, и воспринял этот факт очень болезненно. В сердцах он выгнал жену и дочерей из дома, и они полураздетые и полуголодные вынуждены были скитаться по деревне. Когда же решением суда матери выделили часть дома, отец бросил семью и уехал куда-то на Донбасс. Одному Богу известно, как мать в одиночку поднимала детей в тяжёлое военное время.

— А ты мне такие хорошие передачи в тюрьму собирала! — вспомнила Аня, утирая слёзы.

— Да, родненькая, продавала всё, что только можно было... хотела поддержать тебя...

— Что же вы сами ели?

— Ох, лучше не спрашивай, — мать смущённо разгладила складку на стареньком платье. — Бог сохранил нам жизнь, и за это мы не перестаём благодарить Его. А теперь вот, видишь, даже к тебе приехала...

Как и всё приятное, время общения пролетело очень быстро, и мать засобиралась в обратный путь.

— Когда же домой вернёшься, доченька? — не выпуская дитя из объятий, запричитала она. — Тяжко, ох и тяжко ждать... Но роптать не будем. Ведь это ради Господа, по Его воле...

— Да, мамочка, — всхлипывала Аня. — Он поможет нам пронести бремя, только не будем унывать...

Как ни тянулась плаксивая осень, а за ней — морозная зима, всё же вновь наступила весна, затем — жаркое,

богатое плодами лето. Тоска по дому не покидала Аню, но Господь не лишал её утешения.

Разыскав в Куйбышеве небольшую группу верующих, Аня стала посещать собрания. Вера её крепла, а любовь к Богу более и более возрастала.

В сентябре 1946 года Ане разрешили вернуться на родину. С какой радостью она упорхнула бы в далёкий Курск, будь у неё два птичьих крыла! Но их не было, как и денег на проезд. Лишь сердце, горящее пламенной любовью к Господу, твердило, что Небесный Отец обязательно ей поможет.

Вопрос жилья у Ани не стоял — добрейшая старица охотно оставила бы её у себя навсегда. Однако поддержать девушку деньгами ей было не под силу.

В этот трудный момент Аня столкнулась с немалым искушением. Как-то раз она устало брела по улице в поисках работы и обратила внимание на богато одетую женщину, шедшую впереди. Поворачивая за угол, та доставала из сумочки платочек и что-то уронила, но не заметила этого. Аня бросилась поднимать вещь и застыла от изумления, увидев на земле туго набитый кошелёк.

«Неужели Господь таким образом отвечает на мою просьбу? — задохнулась она от волнения. Однако в то же мгновение её радость осадила другая мысль: — Это чужое богатство!»

Аня ускорила шаг. Ещё минуту противоречивые чувства боролись между собой. Казалось, победит плоть: «Бери находку себе и благодари Бога за помощь!» И всё же стремление поступить по-христиански взяло верх.

— Женщина, подождите! — окликнула Аня незнакомку. — Вы потеряли кошелёк!

— Ах! — только и произнесла дама.

Смерив девушку неприветливым взглядом, она положила кошелёк в сумку и пошла своей дорогой.

«Даже спасибо не сказала! — с горечью подумала Аня, готовая расплакаться. — Что ей стоило дать мне хотя бы несколько копеек?»

В тот же момент Аня почувствовала, как тихая радость теплом наполняет её истерзанное сердце.

«Нет, не надо мне ничего из этих нечистых рук... Господь

даст мне всё, что нужно и сколько нужно!»

Аня не ошиблась. Члены местной церкви не бросили её в беде — помогли найти неплохую работу, окружили вниманием. Через месяц она сидела в поезде, везя в своём чемоданчике скромные гостинцы для родных...

Наконец свободна!

Послевоенный Курск был неузнаваем. Широко открытыми глазами Аня смотрела по сторонам. Разрушенные и полуразрушенные строения вселяли страх и невыразимую тоску по уюту, чистоте и спокойствию.

В сумерках она добралась до своей Плотавы. Золотая осень дохнула на неё запахом прелых листьев, давно скошенных трав и волнующим ароматом грибов. Родные края! Как ей хотелось, забыв горькое прошлое, промчаться через луг и

ближайший холм, кубарем скатиться в овраг и оказаться в соседней деревне. Ранее они часто бывали у тамошних христиан, вместе пели, читали Библию, молились...

Вот и отчий дом.

— Доченька! — обомлела мать. — Неужто вернулась?! Слава Тебе, Господи!

Слёзы радости текли в два ручья, свидетельствуя о неизменной любви Божьей и победе добра над злом.

— Слава Богу, жива, здорова... — приговаривала Евдокия. — Давай, родненькая, прежде всего поблагодарим Милосердного, ведь Он так добр к нам!

В тот вечер Ковалёвы всей семьёй пошли на собрание. Плотавская община, состоящая из двадцати пяти членов, встретила узницу с любовью, и Ане казалось, что она попала в рай. Здесь она просто отдыхала, наслаждаясь чудным пением, живыми проповедями, задушевными молитвами.

Ей хотелось, чтобы богослужение никогда не заканчивалось, чтобы братья и сёстры никуда не уходили, а разговоры о Господе и вечности не прекращались. Как не похоже это общество на ту среду, где она провела шесть мучительных лет!

Ане долго не верилось, что она приехала домой и может свободно ходить, куда хочет, общаться с родными и друзьями, дышать чистым воздухом, созерцать красоту деревенской жизни. Не верилось, что можно наконец выспаться и вдоволь поесть картошки с солёным огурцом.

Постепенно чувства улеглись. Девушка стала привыкать к реальности. И вдруг...

После утреннего богослужения к Ане подошла сестра, приехавшая из Москвы, бывшая односельчанка Вера Мишина.

— Нюрочка, дорогая, приветствую тебя! Поздравляю с возвращением!

Сёстры крепко обнялись.

— Ты знаешь, один хороший брат из нашей церкви давно ищет тебя, — зашептала Вера в самое ухо. — А как услышал, что мы с тобой знакомы, так покоя мне не даёт...

Вера взахлёб стала расхваливать молодого человека, однако

Аня, как ни странно, не проявила к её рассказу никакого интереса.

— Спасибо за новость, — только и сказала она, улыбнувшись.

Конечно, Аня не была легкомысленной и пропустить мимо ушей такую информацию не могла. Думы о замужестве уже не раз посещали её, и она, доверяя свой жизненный путь Богу, настраивалась на одиночество.

Пережитое в заключении оставило глубокий след в её сердце, и она ясно понимала, что власти просто так не отстанут от неё. Она всегда будет на прицеле. Малейшая зацепка, и немудрено снова оказаться за колючей проволокой. А разве мыслимо расставаться с любимым мужем и детьми? Нет, лучше не создавать семью, так будет проще страдать...

Начало начала

Недели через две после встречи с Верой, когда в воздухе закружились первые снежинки, Аня получила следующее письмо.

Глубокоуважаемой сестре в Господе Анне Ковалёвой *(2 Ин. 12).*

Сердечно приветствую Вас, Аня, любовью нашего Небесного Отца! Хочу, чтобы мир Божий никогда не покидал Ваше истерзанное сатанинскими силами сердце. Приветствую Вас как героиню дела, ради которого страдал Иисус Христос.

О Вас я впервые узнал в 1940 году совершенно случайно. С тех пор в моём сердце зародилась мысль познакомиться и встретиться с Вами. Да не удивит Вас эта, может быть, некоторая странность!

Я люблю героев нашего Вождя. Любовь всегда влечёт людей к тесному общению. Тем более мы, дети одного Отца, должны любить друг друга, радоваться счастью любимых, скорбеть о горе милых душ и молиться друг за друга.

Я знал Ваше положение, поэтому скорбел и молился. Я верил и надеялся, что мы встретимся на этой земле. Да будет вечная слава Тому, Кто достоин её!

Прошу Вас написать мне подробное письмо о Ваших планах, о Вашей жизни. Прошу прислать фото, так как я хочу

видеть Вас в своём альбоме среди дорогих и милых моему сердцу лиц.

Да будет радость в Вашей душе!

До свидания.

Григорий Кузнецов
Москва, 1 декабря 1946 г.

«Так вот, значит, кто этот хороший брат, о котором распевала Вера!» — подумала Аня и невольно улыбнулась.

Жизнь научила её осторожно рассматривать любое новшество, спрашивая у Бога, от Него ли это? Приятное письмо наталкивало на мысль, что его автор — духовный человек, и Аня решила ответить.

Мир Вам, брат Гриша!

Вчера вечером получила Ваше письмо, которому была очень рада. О, как я благодарна Господу за то, что в сердцах Своих детей Он возжигает любовь ко мне, такой немощной и ничего незначащей в этом мире! Они помнят меня и молятся обо мне, в чём я особо нуждаюсь.

Господь безмерно велик! Он любит нас, ничтожных, не по нашим заслугам. Как мы счастливы, что великий Бог открыл нам истину! Только бы не уклониться от неё!

С 11 октября нахожусь дома, в родной семье, хотя уже думала, что увидеть близких мне не суждено. Нередко сталкивалась с такими обстоятельствами, которые были просто невыносимыми...

Однако милостивый Господь верен Своим обещаниям.

«Забудет ли женщина грудное дитя своё? но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя», — говорит Он. Его любовь я ощущаю на каждом шагу. Если Он и допускает какое испытание, то не оставляет нас одних в нём. Я в этом убедилась.

Зимой хочу отдохнуть, устраиваться на работу пока не планирую.

Наша семья небольшая: мама, четыре дочки и два сына. Ещё с нами живёт бабушка. К сожалению, мои братишки неверующие, и это нас печалит.

Высылаю Вам свою фотокарточку. Правда, она не очень хорошая, маленькая, но другой пока нет. По природе волосы у меня курчавые, поэтому пусть у Вас не появится мысль, что кудри искусственные.

Напишите и Вы о своей жизни и вышлите фотокарточку.

Всем любящим Спасителя — христианский привет!

Ковалёва Анна
д. Плотава, Курская область
8 декабря 1946 г.

Спустя десять дней по заснеженной тропинке, ведущей к дому Ковалёвых, пробирался почтальон. Он нёс письмо, пришедшее из столицы.

Привет тому, кто именуется Анной Ковалёвой!

Привет борцам – евангельским питомцам!
И Вам привет, привет души моей!
Я радуюсь! И ярче светит солнце,
И льёт поток приветливых лучей.

Я глубоко надеюсь, что Вы так же, снова,
Полны решимости идти лишь за Христом.
Примите мой привет после тюрьмы суровой!
Давайте песнь свободы воспоём!

Радуйтесь в Господе!

Сегодня утром получил Ваше письмо, и сердце моё возрадовалось, и Правителю человеческих судеб полилась хвала. «Да будет имя Господне благословенно вовек! Да веселится Господь о делах Своих!»

Весьма благодарю за письмо и фотокарточку. Желаю Вам счастливых дней! Мне хочется, чтобы после всего пережитого Вы лучше отдохнули и вновь воспрянули духом.

Несколько слов о себе.

В 1939 году я окончил среднюю школу в Пензенской области, где провёл детство и отрочество. В том же году поступил в Московский институт железнодорожного транспорта. Я тогда предполагал в 23 года стать инженером и соединить свою работу с трудом на великой ниве Божьей.

«Много замыслов в сердце человека, но состоится только определённое Господом» (Притч. 19, 21). На горизонте бушующего океана людской деятельности виднелась заря пожарищ приближающейся бойни. Моим мечтам не суждено было сбыться...

Поздней осенью 1939 года меня призвали в ряды вооружённых сил Советского Союза. В течение шести лет я служил в армии. Много было пережито. Опасности ежечасно преследовали меня, но моя жизнь находилась под охраной неземных сил, которых несравнимо больше, чем вооружённых сил любой страны. Это меня укрепляло, радовало и влекло к небесам.

Осенью прошлого года я демобилизовался и продолжил учёбу.

Сейчас учусь в том же институте на втором курсе строительного факультета. Приближаются экзамены, в конце января будут каникулы. Вот и всё.

Если можете, пришлите мне своё фото за 1939 год, когда Вы учились в десятом классе.

Жду ответа.

С пожеланием радости и благ неба, Григорий Кузнецов
Москва, 13 декабря 1946 г.

Аня читала письмо с удовольствием, совершенно забыв об усталости. Сегодня она с раннего утра до позднего вечера усердно помогала матери — они готовились к праздникам: скоблили полы, стирали занавески, стряпали пироги.

А сейчас, когда дом сверкал чистотой и все крепко спали, девушка погрузилась в общение с Григорием. На расстоянии. Через бумагу. Ей было интересно узнать о жизни собеседника, но ответить ему она сможет только завтра — в памятный день. В тот самый день, когда двадцать четыре года назад она пришла в мир крошечной девочкой. Конечно, сообщать об этом Григорию не стоит. Подробности ни к чему.

От наименьшей сестры в Господе Анны Ковалёвой брату по вере Григорию Кузнецову

Мир Вам да умножится, возлюбленный Господом брат! Да пошлёт Он Вам больше ревности в труде на Его ниве! Да пошлёт Он Вам успех в дальнейшей учёбе и благополучие в жизни!

Очень благодарна Тому, Кто управляет всей Вселенной и Кто сроднил нас Своей Кровью! О, слава Ему без счёту раз!

Из глубины души благодарю Вас за письмо, фотокарточку, искренние пожелания. Пусть Господь управляет нашей жизнью так, чтобы через неё Его имя было возвеличено и прославлено! Да укрепит Он нас и поможет пройти тернистый путь до конца (Еф. 3, 16-21).

Григорий, Вы просите у меня фото за 1939 год. К сожалению, у меня такого нет, потому что я была гонима и ненавидима не только властями, но и родным отцом, который преследовал церковь и даже свидетельствовал против меня на суде... Не описать всего, что я пережила с самого детства...

Остаюсь в Господе, жива и здорова.

Напишите, во сколько лет Вы пришли к Иисусу Христу? Приняли ли Вы крещение?

До свидания!
20 декабря 1946 г.

Естественно, Григорий не знал дату рождения Ани. Однако о рождении в мир Спасителя он не забыл и поспешил поделиться с ней своей радостью.

Рождественское приветствие сестре в Господе Анне Ковалёвой (Лк. 2, 1-10)

Ведь Он рождён! Зачем волненья?
Он для спасенья моего
Пришёл, и в этот день рожденья
Я буду славить лишь Его!
Долой печаль и прочь сомненья
В великий праздник Рождества!
Пусть льётся радостное пенье,
Пусть льются радости слова!

Дорогая сестра в Господе!

Горячо приветствую Вас в день памяти величайшего события на нашей земле — Рождества Спасителя Иисуса Христа! Пусть Вифлеемская звезда, сверкавшая над Палестиной около 2000 лет назад, заставит Вас сосредоточиться на величии рождённого Младенца. Пусть Ваше сердце будет Вифлеемом для Мессии, а Его Дух никогда не покидает Вас.

Мне хочется, чтобы та радость, какой радовались пастухи, захватила Вас и не покинула среди жизненных невзгод. Пусть мир, о котором сообщили людям вестники неба — Ангелы, — водворится и в жизни Божьих детей, и на всей земле. Да пошлёт нам Господь сил рассказывать грешникам об этом великом событии!

Давайте радоваться. Отбросим все печали. Ближе и ближе к Нему!

Только сейчас получил Ваше письмо. Оно привело меня в восторг. Вы пишете, что с самого детства много претерпели за имя Того, о рождении Которого сегодня вспоминает весь христианский мир. Вы можете только радоваться, что на Вашу долю выпала такая высокая честь — быть гонимой за своего любимого Вождя и Учителя (Мф. 5, 10-12)!

Не унывайте! Стремитесь к тому, чтобы о Вас можно было сказать: Мф. 5, 13-14.

Верьте — в этом наша сила. Надейтесь — в этом наша жизнь. Любите — в этом наше счастье. Молитесь — в этом ключ к получению силы, к сохранению жизни, к приобретению счастья.

Я с детства постиг эту истину, и мне отрадно сознавать, что именно меня, самого недостойного в мире грешника, так много изменявшего своему Отцу, Бог предопределил для работы на Его ниве. Это сознание увеличивает мою энергию, и я стремлюсь вперёд (Флп. 3, 12).

Я родился в семье верующих. Мои родители живут в Пензенской области. Нас четыре брата и две сестры. Подробности — при встрече, если таковая благословится небом в 1947 году. В Москве снимаю квартиру.

Напишите, как Вы учились в школе и желаете ли учиться дальше.

До свидания!

Григорий Кузнецов
Москва, 24 декабря 1946 г.

Аня несколько раз перечитала ровные строчки. Какие драгоценные слова! Именно такого утешения ей недоставало в последнее время!

Она жила дома и наслаждалась свободой, но соседка сказала матери, что председатель сельсовета то и дело отправляет в город докладную на Ковалёву. Он недоволен этой ретивой баптисткой, которая продолжает посещать богослужения и нигде не работает. Сердце Ани порой щемило от услышанных новостей, однако дух оставался непоколебимым. Она верила, что у Бога есть сила разрушить замыслы нечестивых.

А ей при любых обстоятельствах надо сохранить верность своему Господу.

Той осенью некоторые сёстры из Плотавы, уезжая на заработки на Западную Украину, обещали найти там для Ани подходящую работу. Мечтая о предстоящей поездке, девушка каждый день ждала приглашения.

В преддверии Нового года оно пришло, только не от сестёр.

Благодать Господа нашего Иисуса Христа с вами *(1 Кор. 16, 23).*

Здравствуйте, Аня! Примите мой горячий, мой искренний, мой ласковый привет!

Совсем недавно прибыл с вечернего собрания. Сердце дышит радостью, душа полна отрадных чувств. Мне бы хотелось, чтобы подобная радость разливалась и в Вашем сердце, и в Вашем доме, и в Вашей деревне.

Аня, у меня появилась мысль пригласить Вас в Москву. Если можете, приезжайте не позднее 20 января. У меня как раз начнутся каникулы. Это будет встреча людей, близких друг другу, имеющих одни и те же идеи, стремящихся к одному и тому же идеалу.

На нашу встречу я прошу благословения неба. Молитесь и Вы об этом, ибо без молитвы всё обречено на неудачу.

В заключение я горячо поздравляю Вас с Новым годом! Пусть он принесёт нам больше и больше счастья. Да благословит Вас Господь!

С Новым годом! С новым счастьем!

Григорий Кузнецов
Москва, 29 декабря 1946 г.

По щекам Ани одна за другой поползли мелкие слезинки. Как ей хотелось в Москву! Особенно сейчас, когда она пестрит новогодними украшениями...

Аня с детства мечтала побыть в столице. Но это до сих пор казалось нереальным.

«У меня нет ни денег, ни приличной одежды... — печально

вздохнула она. — Да и сколько ещё я проживу в родных краях? Нет-нет, эти удовольствия не для меня!»

Она не успела поделиться своей категоричностью и объяснить невозможность поездки. Совсем скоро от Григория пришло ещё одно письмо.

Здравствуй, Аня!

Прими мой привет, прими мои добрые пожелания.

Как быстро бежит время! Всё во вселенной имеет конец. Но наш Господь живёт, и как радостно это сознавать, потому что и мы будем жить вечно.

Хорошо быть человеком верующим: ясен путь, ясны стремления, интересна жизнь; даже борьба замечательна; ибо она оканчивается полной победой Иисуса Христа. Нужна только простая детская вера в Него.

Аня, мне хочется, чтобы ты прониклась этим сознанием и всегда, при любых обстоятельствах, с радостью совершала свой путь, несмотря на непонимание людей.

Жизнь моя течёт без особых перемен. Сдаю экзамены. Посещаю любимый Дом, где так отрадно и мило. Новый год встретил с друзьями.

Я почему-то верю, что в наступившем 1947 году мы с тобой встретимся. Весьма интересно: мы никогда друг друга не видели, не знали, и вот теперь — самые близкие друзья!

Снова прошу: приезжай в Москву. Здесь ты увидишь много хорошего. Пиши мне «ты».

До свидания! Крепко жму руку.

Григорий Кузнецов
Москва, 5 января 1947 г.

«Не лучше ли пригласить Григория в Плотаву? — подумала Аня, перечитав письмо. — Я точно никуда не поеду, и на это у меня есть ряд причин, о которых не всем расскажешь...»

Она вырвала из школьной тетради лист и обмакнула перо в чернила.

Слово за словом, на белом листе появились ровные синие строчки. В надежде, что Григорий поймёт её и не осудит, она искренне делилась с ним своими волнениями. Ответ не заставил себя ждать.

Много замыслов в сердце человека, но состоится только определённое Господом *(Притч. 19, 21)*

Не тоскуй ты, душа дорогая,
Не печалься, но радостна будь;
Жизнь, поверь мне, настанет другая —
Любит нас ведь Господь, не забудь!

Здравствуй, Аня!

Сегодня мне вручили твоё письмо, от которого повеяло глубокой грустью. Я спешу сказать тебе: мужайся! Наш Вождь победил мир! Никакие замыслы и происки противников не увенчаются успехом. Всё упование возложи на Бога. Я растроган твоим сообщением и даже не знаю, как тебя утешить.

Милая сестра, не грусти! Что бы с тобой ни случилось, ты не будешь забыта нашим Небесным Отцом. Я также не могу забыть тебя. Молюсь о тебе.

Советую покинуть родную деревню.

Ты не можешь приехать в Москву? Ну что же... Как Иов, вполне смиряюсь перед волей Господа.

Мои каникулы продлятся две недели. Оценки у меня успешные. Если всё будет хорошо, я сам приеду к вам.

Всегда и во всём поступай осторожно и разумно. Оставайся с твёрдой уверенностью, что будет так, как должно быть — по воле нашего Отца!

До свидания!

Григорий Кузнецов
Москва, 12 января 1947 г.

Это короткое письмо ободрило Аню. Господь видел, в чём нуждалось её истомлённое сердце, и беседовал с ней таким необычным образом.

Каждая фраза, написанная Григорием, его мудрые советы и пожелания были для Ани большой поддержкой, утешением, духовным питанием. Интуитивно она чувствовала, что Григорию небезразлично состояние её души, поэтому охотно делилась с ним своими переживаниями.

Приветствую тебя, брат!

Я очень благодарна Богу за то, что Он сроднил нас! «Некогда чужие, мы теперь — друзья. Близкими мы стали Кровию Христа». Пусть наше общение прославит Его. Да укрепит нас Господь и сделает непоколебимыми борцами за истину.

Гриша, прежде чем опять начнутся дни моего скитания, мне хочется увидеться с тобой. Местное начальство жаждет избавиться от меня, считая, что я оказываю пагубное влияние на молодёжь.

Я столько лет мечтала отдохнуть дома, спокойно пожить. Но этому, наверное, не сбыться... На память приходит песня: «Не для покоя в мире этом Христова Церковь избрана. Здесь Богом и Его заветом ей только битва суждена...»

Да, вспоминать прошлые годы страшно. Господь чудно сохранил меня, и если бы не Его рука, то я погибла бы и духом, и телом...

Моё желание — исполнить волю Божью. Я согласна страдать за Христа, но у меня нет сил. А враг не перестаёт преследовать. О, если бы ты знал, как скорбит моё сердце! Хочется упасть у ног Спасителя и безутешно плакать, умоляя Его о помощи...

Гриша, я остро нуждаюсь в твоих молитвах! И ещё: если у тебя найдётся время и возможность, приезжай к нам. Мы все единодушно желаем этого.

Привет тебе от нашего семейства.

Аня, 20 января 1947 г.

Первая встреча

И Григорий приехал.

Морозным февральским днём, когда Плотава утопала в сугробах, группа местной молодёжи в сумерках возвращалась домой из соседней Гремячки. Уже на околице Аня увидела свою сестрёнку, которая сообщила, что у них в гостях брат из Москвы.

— Представляешь, он приехал в туфлях! — взволнованно шепнула девочка. — Жуть как замёрз! Говорит, в двух сёлах просился к добрым людям, чтобы немного согреться.

Аня ускорила шаг. Ею овладели смешанные чувства. Пройти пятнадцать километров по глубокому снегу, да ещё в туфлях — это не шутка! Три деревни миновал Григорий, пока попал в Плотаву!

До вечернего собрания оставался час, когда Аня вошла в дом. На лавке, напротив кухонного стола, укрывшись одеялом с головой, крепко спал гость. (Как потом выяснилось, он вовсе не спал, ожидая появления своей избранницы.)

Ужиная, Аня украдкой поглядывала в угол комнаты — как разбудить человека, которого она никогда не видела?

— Брат, — робко позвала она, — мы собираемся на богослужение. Вы пойдёте с нами или будете отдыхать?

В один миг гость отбросил одеяло, вскочил на ноги и торжественно произнёс:

— Наконец-то я вижу героя веры, которого так усердно искал в течение семи лет!

От столь высокого и незаслуженного приветствия Аня смутилась.

— Вы, наверное, думали узреть в этом герое что-то особенное, а здесь нет ни красоты, ни величия, ни знания, ни мудрости... Я простая деревенская девушка, да ещё и с пороком судимости...

— И в хижинах рождаются герои и великие люди, — улыбнулся Григорий.

На собрании никто не ожидал увидеть гостя из Москвы. Он выразительно прочитал несколько стихотворений и всем понравился своей непринуждённостью. Каждый хотел пригласить его к себе, но он пожелал пойти к Ковалёвым. Удивительно, но на душе у Ани было спокойно, будто к ним приехал родной брат.

Все свои каникулы Григорий провёл в Плотаве. Вечерами то в одном, то в другом доме собиралась молодёжь. На этих общениях Григорий проводил беседы на библейскую тему, и его слушали с большим вниманием.

Остерегаясь всяких толков и пересудов, Аня вела себя предельно строго, ничем не привлекая к себе внимания друзей. Наедине с Григорием она не оставалась и разговаривала с ним очень мало.

Он уезжал в Москву с какой-то грустью, и Аня терялась в догадках — почему? Может, ему не понравилось в Плотаве? Или кто-то обидел его? Будет ли Григорий продолжать переписку?

Конец всем предположениям положило очередное письмо.

Мир тебе, дорогая сестра Аня!

Привет тому, кто раскрывает
Страницы этого письма
И кто слова его читает
Без гордой критики ума!

Вот мы и расстались. Встретились и расстались. Хорошо помню минуты прощания. Мы ничего не сказали друг другу.

Что творилось в наших сердцах — известно одному Богу.

Было изрядно холодно, когда я покинул вашу деревушку. По дороге заглянул к Дроздовым, согрелся возле их печи, пообедал и пошёл дальше. Переночевал у Виктора Кузьмича Давыдова. Вечером 21 февраля приехал в Курск и ночью скорым поездом отправился в Москву. Господь благословил мой путь. Слава Ему за это!

Сегодня воскресенье. Я снова в Москве. Но мысленно переношусь в Плотаву и очень благодарю тебя, Аня, за чистосердечный приём, оказанный мне в вашем доме. Благодарю за внимание и заботу, за ту любезную и простую обстановку, которая была создана в момент моего посещения. Благодарю за подарки и за всё хорошее.

Мне так понравилось у вас, что я вспоминаю об этом с самым добрым чувством. Но бóльшую благодарность я приношу Богу. Пусть Он воздаст вам за вашу приветливость и радушие!

Аня, я желаю, чтобы мудрость, которой одарил тебя Небесный Отец, умножалась с каждым днём и чтобы ты всегда пламенела духом. Пусть твоя жизнь радует и ободрят твоих ближних, а также всех братьев и сестёр в Господе.

Всем знающим меня передавай привет!

Привет и благодарность твоей маме. Пусть она продолжает молиться, уповать и верить. В этом счастье.

Привет сестрёнкам, братишкам и бабушке.

Итак, до свидания!

Не унывай. Бог устроит твой путь.

Всегда надейся только на Него. Пусть твоё сердце никогда не скорбит. Замыслы лукавого будут развеяны, как прах.

Пиши обо всём, что накопилось в твоей душе.

Радуйся!

Твой брат Григорий Кузнецов
Москва, 23 февраля 1947 г.

Аня сняла фартук и присела на лавку.

«Неужели ему у нас действительно понравилось? — задумчиво посмотрела она в окно. — Я этому почти не верю. Не верю, чтобы он остался доволен нами, не верю, что он вспо-

минает о нас с самым приятным чувством. Я не верю ни одному его слову, хотя он и пишет красиво! Конечно, бумага может выдержать всё, и такие вдохновенные фразы — тоже!..»

Аня спрятала конверт в свой сундучок и вышла в сени. Смеркалось. Надо было уже идти в сарай — кормить коз и поросёнка.

— Ох, умеет же человек сочинять! — проговорила она, кутаясь в старенькую шаль. — Надо пожурить его хорошенько. Он всё так преувеличивает и разукрашивает... Нет, он просто притворяется! Я достаточно часто сталкивалась и с обманом, и с изменой... Хватит ошибаться. Доверяться людям не стоит. — Прикрыв за собой скрипучую дверь, Аня всхлипнула:
— О Боже! Дай мне мудрости разобраться во всём, что происходит...

Её угнетали слухи, которые поползли по деревне сразу после уезда Григория. Каких только небылиц она не услышала! Виноватой она себя не чувствовала, но сам факт, что молодой человек приехал именно к Ковалёвым, всполошил любителей поговорить.

Мир тебе, благословенная Отцом небес сестра Аня!

Молюсь, чтобы Его десница никогда не оставляла тебя и чтобы твоё сердце всегда было заполнено только Им одним.

Как быстро прошло время наших бесед и собраний в Плотаве! Как жаль, что много хорошего проходит безвозвратно!

С 23 февраля по 2 марта я находился в Москве. Видел друзей, разделял радости и печали братьев и сестёр, общался с Верой, передал ей твой огромный привет.

3 марта приехал к родным в Суру и рассказал о своём паломничестве к великой героине нашего времени. Все они единодушно приветствуют тебя и восхищаются твоим поведением в 1940 году, прославляя Того, Кто дал тебе столько мужества не страшиться никаких угроз.

Из Москвы я послал тебе письмо, но ответа не дождался. Надеюсь получить его там после 16 марта. Ладно, это не так важно.

Теперь я ненадолго остановлюсь в Суре. По всей вероятности, у меня будут изменения в учёбе.

Смотри не унывай! Уповай на милость нашего Отца. Лишь в Нём отрада и полный мир.

До свидания!

Мой адрес:
Пензенская обл.
п.о. Сура
врачебный участок
Кузнецову Григорию Акимовичу

5 марта 1947 г.

Признание в любви

Здравствуй, Аня! Желаю тебе мира и радости от Того, Кто был, есть и грядёт!

Бедная, бросаемая бурею, безутешная!

Вот, Я положу камни твои на рубине и сделаю основание твоё из сапфиров.

Ты утвердишься правдою, будешь далека от угнетения, ибо тебе бояться нечего...

Ис. 54: 11, 14

Всегда радуйтесь. Непрестанно молитесь. За всё благодарите...

1 Фес. 5, 16–18

Мои родные в Суре передают тебе горячий привет. Лично я тоже посылаю привет сердечности и дружбы.

Рад новой возможности поговорить с тобой посредством данного письма, ибо в твоём лице вижу человека, поставленного Богом несравненно выше, чем, например, я, измученный и истерзанный пилигрим, на которого в этом мире зачастую льётся грязь...

Я торжествую, сознавая, что сила величия принадлежит не Ковалёвой, а Творцу, Который избрал её и спас, чтобы через неё проявились могущество и слава Бога.

Пишу об этом с особым чувством, ибо уважаю Анну Ковалёву за чистую и высокую душу, за глубокое познание евангельских истин среди хлама человеческой мудрости, за

прямоту и стойкость среди лицемерия и лжи.

Постарайся вникнуть в суть стихотворения, которое мне от души понравилось. Надеюсь, что оно подкрепит твои духовные силы.

Из пережитого

Бывают минуты: какие-то стены растут между мною и Богом моим
И кажется мир беспредельно огромным и небо далёким таким...
Бывают минуты тоски и бессилья, усталости в жизни, духовного сна;
И клонит к земле мои светлые крылья, и вся я унынием мрачным полна...
Кругом меня — стоны борьбы и проклятья, кругом меня —
слёзы и вопли людей,
И люди забыли, что все они — братья, и нету единства средь Божьих детей.
И злая неволя нужды беспросветной, где бьются усталые души людей,
И жажда помочь им не словом, а делом, и полная немощь
в сём мире скорбей...
Какой одинокой и малой букашкой себя тогда чувствую я!
И мир так огромен, и небо далёко, и сила исчезла моя...
Но вот ясный луч, светлый луч утешенья пробился сквозь серый туман,
И слышу я голос, и в нём — утоленье всем жаждущим в мире сердцам:
«Ты здесь не одна, Я всегда ведь с тобою, тебя сиротой
не оставлю здесь Я!»
Одна я здесь в мире: и жутко, и страшно, и пусто на сердце моём...
Но всё утешенье, вся радость и счастье, весь свет и блаженство —
в Нём лишь одном!

Е. Шостенко

Желаю тебе достичь полного духовного возраста, чтобы ты ещё больше воспевала Отца небес, чтобы ты никогда не унывала и чтобы твоя жизнь всецело служила радости верных и славе нашего Господа.

Я знаю, как часто тебе бывает тяжело на этой земле... Но ободрись, ликуй, милая сестра!

Прочитай стихотворение С. Я. Надсона «Христианка» и посмотри, как люди верили, жили и умирали во имя Иисуса Христа.

Радуйся и дари радость сердцам скорбящих людей!

Сообщаю, что вчера вечером прибыл в Москву, где полу-

чил твоё письмо от 03.03.1947 г.

Прощая тебя, хочу сказать: пусть Сам Бог рассудит между мной и тобой, ибо моё письмо, написанное в конце февраля, ни на йоту не расходится с моими мыслями. Печально, что к тяжести различных сплетен в Москве, связанных с моей поездкой в Плотаву, добавляется тяжесть непонимания со стороны глубокоуважаемого и любимого читателя этого письма...

Весь день скорбел и искал уединения, чтобы от души поплакать и помолиться.

Я семь лет любил тебя (не видя!) и эту свою любовь сохранил в годы войны. Ни одна женщина, ни одна девушка Советского Союза, Польши и Германии, где мне пришлось побывать, не бросит тень на мою глубокую любовь к Анне К. Никакая красавица лучших дворцов Москвы и Ленинграда не могла перебороть этой моей любви к девушке из хижины. Не видя, любил. И если я несколько ошибся в физических данных (что для меня не столь важно), то не ошибся в главном: в нравственной чистоте и красоте души.

Только не подумай, что я требую любви. Нет. Любовь — это свободное чувство свободной воли свободного человека.

Пиши на Сурский адрес.

Твой брат Григорий Кузнецов
Москва, 17 марта 1947 г.

«Не видя, любил». Аня уронила голову на стол и разрыдалась: «Ну как я могла осудить брата, не выслушав его? Почему засомневалась в его искренности? Почему поверила сплетням? Вот такая я... Снова ошиблась, снова должна каяться перед Всевышним, ведь я нарушила Его заповедь... Прости меня, Господи!»

Порывистый ветер за окном нагонял тоску, усиливал мучения и будто вторил словам Григория: «Не видя, любил».

Весь день Аня ходила как потерянная и успокоилась лишь после тёплой беседы с бабушкой.

Поздно вечером, когда все легли спать, она повела монолог с Григорием.

Радость и мир твоему сердцу, возлюбленный Господом брат!

Может быть, близкие упрекают тебя за то, что ты общаешься с нами — тёмными людьми? Об этом я частично слышала от Веры. Коль это правда, я бы посоветовала тебе не вводить себя в такое неудобное положение.

Зачем тебе подвергаться насмешкам, когда ты можешь избежать их? Ради какого-то ничтожного существа ты будешь терпеть унижение?! Мне жаль тебя. Если уж всё это переносить, то знать ради кого! Ведь ты — человек, в котором можно увидеть совокупность совершенства. Подумай хорошенько и рассуди: зачем тебе иметь неприятности?

Сплетен предостаточно не только в Москве, но и у нас в деревне, поэтому лучше не пиши мне. Это будет во благо нам обоим.

Прости, если обидела тебя своими речами.

Аня, 25 марта 1947 г.

Аня отодвинула от себя чернильный прибор и выпрямила спину: «Всё, это моё последнее письмо. С перепиской надо заканчивать».

Она ясно поняла, куда клонит Григорий, но замуж не собиралась — в её планах было найти работу, чтобы не раздражать властей, и продолжать трудиться в церкви.

Кто-то из знакомых подсказал Ане, что в Курске открылась портновская мастерская, куда набирают рабочих. Там будут шить одежду на заказ. Правда, условия работы не очень хорошие, зато специальность можно выбрать по вкусу.

Аня сильно обрадовалась этой новости и стала потихоньку собирать вещи, надеясь после Пасхи переехать в город.

Почти месяц от Григория не было никаких вестей. «Наверняка он согласился со мной и решил порвать общение. Правильно. Зачем томить друг друга?» — думала Аня. Однако желанного покоя её сердце не находило. Она часто думала о брате из Москвы, перечитывала его письма.

В один из вечеров она опять увидела на столе конверт со знакомым почерком.

Милая Нюся, привет тебе!

Прости за долгое молчание, причиной которого была поездка в Таллин (Эстония). Только вчера вернулся в Москву. Привёз для тебя подарок — Книгу книг карманного формата в изящном переплёте.

Сообщаю, что в скором времени расстанусь с моей любимой Москвой: в Таллине я нашёл работу и должен туда переехать. Вместе с тем перевожусь на заочное отделение института.

Но прежде чем покинуть столицу, я пламенно хочу встретиться с тобой именно здесь, в Москве. Нам нужно поговорить о многом и важном. Поэтому убедительно прошу тебя приехать сюда к 24 апреля. Расходы будут оплачены. Молюсь о том, чтобы во всём исполнялась Божья воля.

P. S. Не знаю, что говорила тебе Вера, но в моих письмах не наблюдается упрёков. Словами «измученный и истерзанный пилигрим» я хотел подчеркнуть свои переживания в школе и на войне.

В словах «тяжести различных сплетен в Москве, связанных с моей поездкой в Плотаву» отмечаются не упрёки или насмешки от кого-либо (я таковых не слышал и впервые узнал от тебя), а разговоры и выдумки, виной которых был я сам. Ибо ещё до поездки я не стеснялся рассказывать, как познакомился с Анной К. и с каким рвением хочу с ней встретиться. Эти мои чистосердечные признания, да и сам факт знакомства с девушкой (а не с парнем) и поездка к ней дали пищу различным толкам, вроде: он из-за курянки бросил институт, он день и ночь грезил о голубых глазах и кудрявых волосах, он ненормальный, заочно влюбился, она ему отказала и тому подобное... Всё это не упрёки, а лишь обыкновенные сплетни, которые всегда и везде сопровождают отношения (даже чистые) молодых людей.

Нам должно стоять выше всяких разговоров и не обращать на них внимания, что мы и сделали в Плотаве, отнесясь друг к другу с предусмотрительной холодностью.

Несколько слов о так называемых «тёмных людях». Их просто нет, ибо перед Богом все одинаковы. Есть тёмные

мысли у некоторых людей. Каждый человек имеет вес на своём месте. По моему мнению, обитатель хижины ничуть не ниже, ничуть не «темнее» жителя дворца. Я всегда предпочитаю быть другом этих «тёмных» (по твоему выражению, в корне неправильному, за что ты должна извиниться перед теми, кого зачислила в этот лик) людей. И если я улыбался на некоторые действия и саму жизнь этих людей, то лишь чистосердечно, не с упрёком и насмешкой, а с любовью и уважением (что совсем не так оценила Анна К.).

При любом исходе дела я всегда останусь твоим близким другом на земле. До тех пор, пока ты не замужем, я искренно желаю не порывать с тобой дружеские связи и хотел бы видеть тебя самой счастливой девушкой в мире!

Твой брат Григорий Кузнецов
Москва, 16 апреля 1947 г.

Дочитывая последний абзац, Аня отчётливо слышала собственное сердцебиение. От волнения её бросало то в жар, то в холод.

«Григорий прав. Не стоило так остро реагировать на ложные слухи... Опять я поспешила с выводами! Ах, сколько можно ошибаться?!»

Аня вышла на улицу и глубоко вдохнула аромат весны. Свежий ночной воздух тут же снял с неё утомление, расправил плечи, придал сил и бодрости. Она подняла глаза и посмотрела на звёздное небо: «Он пишет о второй встрече?! Значит, ничего не изменилось. Впрочем, было бы неплохо обговорить всё лицом к лицу и затем расстаться, но...»

Она понимала, что поехать в Москву не сможет. Её не отпустят с работы. А не сообщить об этом Григорию — некрасиво. Конечно, можно ограничиться телеграммой, без лишних слов...

Здравствуй, милая Нюся!

Прими мой привет, исходящий из глубины души!

Хочу, чтобы ты не ослабевала в молитве и за себя, и за людей. Хочу, чтобы ты так же верила, как и в годы твое-

го заключения. Хочу, чтобы ты ещё больше любила Творца и Его творение!

В четверг получил твою телеграмму. Из неё я понял, что ты устроилась на работу в Курске. В этом отношении ты опередила мои старания, ведь я пытался найти для тебя место в Таллине, в одной из портновских мастерских.

Я очень рад, что наконец ты нашла где «преклонить голову», хотя, может быть, не всё так хорошо, как иногда людям кажется. Во всяком случае, от души желаю, чтобы на новом месте Господь благословил тебя.

С другой стороны, я опечален, что у нас не получается встретиться. Эта печаль усугубляется при мысли, что я покидаю Москву. И эта же печаль сводится к нулю при моей твёрдой надежде, что мы ещё встретимся.

Полагаю, что нам суждено увидеться. Первая встреча в Плотаве была нужна для нашего личного знакомства. Вторая встреча должна принять иные формы.

На днях уезжаю в Таллин. Там я устраиваюсь (вернее, уже устроился) на работу, связанную с рыболовным хозяйством. В институте перевёлся на заочное обучение.

На этом заканчиваю. Я не знаю твоего внутреннего состояния, но прошу: только не грусти, уповай на Бога. Пусть сутолока городской жизни нисколько не завладеет твоим сердцем. Молись об успехах моих стараний и предприятий.

Крепко жму руку. Бог с тобой, доколе свидимся!

Твой брат и друг Григорий Кузнецов
Москва, 26 апреля 1947 г.

Здравствуй, милая Нюся! Мир тебе от нашего Вождя!

Я пойду за Тобою, мой Спаситель Христос,
Узкой горной тропою, не пугаясь угроз.
Будь защитой от бури на великом пути,
Чтоб к чудесной лазури мне смелее идти.
Будь хранителем тела и бессмертной души,
Чтоб свершать Твоё дело здесь, во мрачной глуши!

Прими самый сердечный привет из Эстонии. Думал ли я, что мне придётся здесь побывать? На всё воля Бога и Его предначертание. Я приехал сюда для работы. Жаль, что расстояние между мной и тобой увеличилось. Тем не менее надеюсь, что это временно, и оно, это расстояние, сократится до нуля, ибо для любви нет никаких преград.

Когда я уезжал из Москвы, мой друг Вася (по институту) передал тебе горячий привет и сказал, что всегда будет рад видеть Анну К. в столице. Также прими привет от некоторых ленинградских друзей и от моего брата Вени.

Прошу тебя внимательно прочитать библейский отрывок от 25-ой главы Исход до 8-ой главы Левит и изложить свои мысли в одном из писем.

Да будет душа твоя чиста от греховных пятен! Да водворится радость, полная радость, в твоём сознании! Желаю, чтобы для окружающих ты была светом.

Что-то давно не получал от тебя писем. Наверное потому, что был на колёсах...

Напиши подробно об условиях твоей работы, о квартирных условиях, о посещении собраний, о чтении Библии и других книг, о духовном состоянии, о родных. Мне хочется, чтобы твои печали были моими печалями, твои радости — моими радостями, и чтобы всё это было открыто перед нашим Руководителем.

Молюсь, чтобы Господь избавил тебя от повторных страданий и осчастливил твою дальнейшую жизнь. Не унывай, радуйся и стремись к небесам!

Пожалуйста, сфотографируйся и пришли мне карточку сюда, в Эстонию.

Пусть Господь пребудет со мною здесь, в Таллине, и с тобою там, в Курске.

Твой брат и друг Григорий Кузнецов
Эстония, 5 мая 1947 г.

Такие сердечные слова!.. Такие просьбы! Ну как не ответить? Аня обязательно это сделает, но не сейчас, когда нужно срочно сажать картошку.

Она свернула письмо трубочкой и, положив его в карман жилетки, стала помогать матери.

Евдокия отметила про себя, что мыслями её дочь была совсем не в Плотаве, а где-то далеко-далеко — в Москве, Суре или Эстонии...

Аня горячо любила мать, доверяла ей, дорожила её молитвами. Но лишний раз не хотела обременять её своими переживаниями и, что могла, решала сама — наедине с Богом.

Когда в небе зажглись вечерние звёзды, Аня последним автобусом вернулась в Курск, в свой тихий уголок. Превозмогая усталость, она всё же села за стол, чтобы ответить Григорию.

Приветствую тебя, брат Гриша!

Как в счастье, так и в тяжкой доле
Всегда твердят мои уста:
Пусть воля Господа Христа
Моею вечно будет волей!

Сегодня ездила домой, и мне вручили твоё письмо. Считаю себя обязанной не оставаться в долгу ни перед кем. С желанием или без желания, но стараюсь отвечать каждому.

Ты пишешь, что наша вторая встреча должна принять иные формы по сравнению с первой. Я не согласна с этим.

Если твои намерения исполнятся, ты будешь несчастным человеком. Только из-за одной поездки в Плотаву ты получил столько упрёков от близких! А что будет дальше? Ради какого-то ничтожного создания ты будешь унижен?! Ведь это можно миновать, и это нужно миновать!

Найди себе такую жену, которая пришлась бы тебе по вкусу во всех отношениях и через которую ты будешь возвышен. Это великое дело! Твоё разочарование в семейной жизни я посчитаю ужасным явлением, тяжелее которого не бывает. Уже от одной этой мысли моё сердце замирает...

Я не хочу, чтобы из-за меня кто-то страдал; не хочу быть тебе помехой, ибо знаю, какие качества ты ценишь в людях. Искренно желаю, чтобы Господь послал тебе навстречу человека, во много и много раз превосходящего меня. А я

буду жить, как угодно Спасителю. Только бы исполнить Его волю. Если не будет хватать даже одного процента, чтобы сказать «да», то лучше пусть будет «нет». Отдаюсь в руки Иисуса и хочу прежде всего искать Царства Небесного.

Останемся товарищами. За добрые слова и пожелания благодарю.

Работаю в швейной с 15 апреля. Обещают платить 350-400 рублей. Как ни старайся — больше не заработаешь.

Выдают по 600 г хлеба. Квартира неважная, хочу найти получше. Собрания посещаю. Других книг, кроме Библии, у меня нет.

По поводу библейского отрывка. Ты сам можешь прекрасно объяснить его кому угодно, зачем спрашиваешь у меня? Я человек неграмотный в богословском отношении...

На этом заканчиваю. Не суди за кривой почерк: пишу поздно, сегодня очень устала. Дома изменений нет.

Аня, 13 мая 1947 г.

«Может, я слишком грубая и многословная... Зачем в одном письме написала всё, что думала? — пробегая глазами текст, корила себя Аня. — Нет, лучше написать сразу, чтобы потом не возвращаться к этим вопросам...»

Она заклеила конверт и опустилась на колени. Сердце трепетно сжалось от нахлынувших чувств. Хотелось выплакаться, открыть Господу все тревоги и томления. Только Он поймёт её и поможет пережить эту трудную полосу.

Засыпая, Аня почему-то решила, что Григорий передумает жениться на ней...

Перед выбором

Любимая сестра моя, привет тебе, привет! От всей души желаю самого лучшего в твоей жизни.

Не ради почести и славы
Стремлюсь я, Боже, к небесам;
Хоть труден путь борьбы кровавой,
Но верю я Твоим словам,
Что Твой я воин, Боже правый,
И за Тебя иду я в бой;
Я за Тебя — нет больше славы,
Не надо почести иной!

Прежде всего хочу сказать, что я предлагал тебе прочитать библейский отрывок и изложить свои мысли не для того чтобы объяснить мне его суть и не для того чтобы проэкзаменовать тебя, а для тёплой беседы на центральную тему Библии.

На первый взгляд, отрывок сухой и скучный. Но когда помыслишь о том, что должна была проливаться кровь животных, становящихся жертвой за грех (ибо человек грешен, грешен и грешен), тогда невольно переносишься на Голгофу, где пролилась невинная кровь великого Агнца — и отрывок становится очень интересным. Я прочитал его несколько раз, и теперь он для меня — одно из любимых мест Библии.

В письмах не принято объясняться в любви. Однако мы с Нюсей как-то постепенно подошли к этому вопросу. Я часто спрашивал себя: неужели моё знакомство с Анной К. должно

привести к браку? Неужели между молодым человеком и девушкой не может быть дружбы, основанной только на христианской любви? Неужели в определённом смысле правы те, кто занимался сплетнями?

Мои взгляды таковы.

Молодой христианин (или христианка) хочет иметь хорошую подругу (хорошего друга) для совместного шествия в Небесный Ханаан, и это непредосудительно. Это нормальное стремление живущих на земле.

Благословенной семейная жизнь может быть только тогда, когда она основана на молитве, то есть если жених и невеста ещё до встречи друг с другом молились. Я глубоко верю, что такое начало примет благословенное Богом развитие дальнейших отношений между молодым человеком и девушкой, между женихом и невестой, между мужем и женой. Тогда и семейная жизнь будет счастливой и радостной, потому что в основе её — молитва, в основе её — Священное Писание, в основе её — Сам Христос. Такая семья будет примером для окружающих, радостью для церкви и славой для Господа.

Мне кажется, неудачные браки среди христиан бывают потому, что отношения между ним и ею начинались с нечистых мыслей и страстей, или без молитвы и предназначения Божия, или же молодой человек (девушка) действовал по принципу: лишь бы жениться (лишь бы выйти замуж), не обращая внимания на самое важное в этом деле.

Перехожу к отношениям между мной и тобой. Причём хочу говорить не о христианской любви вообще, которая, я убеждён, есть у нас друг к другу, но хочу говорить о ЧИСТОЙ человеческой любви, если такая между нами возможна.

Этот вопрос очень серьёзен, и к нему нужно подойти продуманно и осторожно — именно с молитвой к Учредителю брака. Ведь судьба решается на всю жизнь. А в жизни бывает всё: и увлечения, и разочарования, и удачи, и ошибки. Поэтому важно прислушиваться к воле Бога.

Я искал не невесту. Мне хотелось иметь подругу с чистой душой, простым сердцем, искренней приветливостью и твёрдой волей, способной перенести все тяжести и горести на земле. Я желал иметь подругу с глубокой верой в Бога, воз-

рождённую Духом Святым. Об этом я искренне просил моего Создателя.

И вот я встретил тебя. Я полюбил тебя не за голубые глаза и кудрявые волосы (для меня всё это не главное), а за нравственную чистоту, за простоту сердца, за прямоту характера и твёрдость воли, за познавательную способность, за прогрессивные умственные возможности, за детскую и в то же время глубокую веру в Бога. Для меня ты оказалась жемчужиной, положенной Богом в Курской области.

Конечно, ты не идеал, в тебе есть свои отрицательные стороны (в мире вообще нет совершенных людей; в противном случае Христос не представлял бы ничего особенного), но сейчас говорить о них неуместно.

Всё это ещё не означает, что мы повенчаемся. Для брака нужна свободная, независимая, искренняя, чистая любовь ОБЕИХ сторон. ОБЕИМ сторонам нужно лично убедиться в предназначенности друг для друга.

Венцом нашей дружбы должно быть бракосочетание, хотя я могу ошибаться, ибо не хочу навязывать своей любви никому. Но об этом лучше поговорить при встрече.

В своём письме ты пишешь об упрёках и насмешках в мой адрес, связанных с поездкой в Плотаву. Конечно, выдумок было много, однако для меня это не играет никакой роли.

Мне не нужно возвышения и славы, ибо человек сам по себе ничто. Хочу, чтобы в моей жизни прославился Бог, достойный чести, хвалы и поклонения.

Мне не нужно земного счастья. Хочу, чтобы моя жизнь была радостью для ближних, славой для Христа. Хочу быть Его светом, Его зеркалом. Хочу, чтобы все, кто окружает меня, были счастливы. В исполнении этого — моё счастье и моя радость!

А подруга мне нужна для того, чтобы дополнить картину радости и разделить это моё счастье. И такой подругой, возможно, являешься ты. Но до личных переговоров мы — брат и сестра, а не жених и невеста. В чём возражаешь, напиши.

До свидания. Крепко жму руку.

Григорий Кузнецов

берег Балтийского моря, 1 июня 1947 г.

По мере того как Аня прочитывала строчку за строчкой, приближаясь к концу письма, её глаза всё больше и больше расширялись от удивления. В голове вихрем закружились сотни мыслей.

«Я так и знала, к чему приведёт наше общение! Что же я делаю? Если переписка не прекратится, в конце концов я выйду замуж!.. О нет! Я должна остаться одна и трудиться для моего Господа! Стоп! А что, если этого человека мне посылает Сам Бог?»

Часы пробили одиннадцать, но Ане было не до сна. Она сидела за кухонным столом и безудержно плакала: «Господи! Разрушь это знакомство! Я хочу жить для Тебя, хочу все свои чувства, здоровье и силы отдать Тебе! Я боюсь, что брак помешает мне стремиться в небо и преданно любить Тебя... А вдруг мои дети станут неверующими? О нет, Господи, разрушь нашу дружбу! Мы, наверное, сделали что-то неправильно...»

В порыве отчаяния Аня готова была не только написать — крикнуть Григорию, чтобы он оставил её в покое и не теребил девичье сердце. Она искренно боялась семейной жизни и считала одиночество драгоценным подарком от Господа. До сих пор внутри у неё теплилась надежда, что духовное общение с Григорием не приведёт к замужеству, что он прислушается к её доводам, и они останутся просто друзьями. Теперь же...

Будь Григорий здесь, она сразу бы отказала ему, но на расстоянии это не сделаешь. Есть время подумать, помолиться, проверить свои чувства.

В ту ночь Аня почти не спала. Она изливала перед Богом свою душу и просила у Него совета, водительства и мудрости.

Мир тебе, брат!

Твоё последнее письмо читала с каким-то страхом, беспощадно осуждая себя за то, что позволила так близко подойти к этому вопросу.

Я не только не молилась о друге, но даже боялась думать о браке. Свои взгляды считала верными и просила Бога сохранить меня такой, какая я есть сейчас, то есть не замужем. Это было моим заветным желанием.

Теперь я думаю иначе. Боюсь, что своим желанием огорчала Господа.

После твоего письма я поняла, что наше знакомство не было случайностью. Это — Божьи пути! Однако боюсь, что наше общение принесёт ущерб духовному состоянию. Боюсь, что семейная жизнь не будет в пользу для души. Боюсь, что моя любовь к Господу частично угаснет, ведь я очень и очень Его люблю! Он так много помогал мне в скитаниях, Он сохранил меня невредимой, и за это я хочу отдать себя в Его полное распоряжение. Хочу страдать всю жизнь, лишь бы для Его славы! Не прошу у Него никаких наслаждений, а только: Господи, сохрани меня в истине!

Я страшусь тех скорбей, которые не ради Христа... Мой внутренний мир нарушен. Уединившись, я нередко плачу и корю себя за переписку с тобой... Вспоминаю чудесное время, когда я просто парила духом, когда всему радовалась, была энергичной и спокойной.

Если сравнить мою настоящую жизнь с прежней (имею ввиду 40-46 гг.), то сегодняшняя — одно блаженство! Молодая, неопытная, ничего не знающая, я подверглась такой катастрофе! Однако ни при аресте, ни после я не проронила ни слезинки... Заключённые удивлялись моему ликующему выражению лица. В подобном состоянии находилась и моя душа. За все годы, в которые я терпела голод, холод и каторжные работы, я ни разу не пожалела о постигшей меня участи. Я даже называла себя счастливой. А теперь этого нет... Желание умереть не покидает меня...

Аня

13 июня 1947 г.

Устройство на работу измотало Аню до предела. Во-первых, она планировала пойти в одну мастерскую, а попала в совершенно другую, где условия были намного хуже. Во-вторых, она переехала в город, не предупредив местное начальство, поэтому председатель сельсовета, узнав о её самовольном поступке, разгневался. Он даже пытался снять Аню с работы и ради принципа вернуть в колхоз... За

двадцать дней бедняжка похудела на несколько килограммов!

В Курске у Ани не было свободной минуты: утром она мчалась на работу, после смены — на огород, который ей дали на окраине города, вечером бежала на собрание. Кроме того, квартира оказалась в полном беспорядке, и Ане пришлось самой делать ремонт — мазать, белить, красить.

Тоска по родным, городская суета, скудное питание, душевные муки — всё это свалилось в кучу и придавило девушку к земле. Её здоровье резко пошатнулось. А тут ещё письмо, цепляющее за живое...

Три дня Аня пыталась держать себя в руках, но внутри ощущала какой-то дискомфорт. Физические силы быстро таяли, сердечный груз становился всё тяжелее. Борьба между заветным желанием и новыми чувствами к Григорию увеличивалась. Молитвы о том, чтобы Господь удалил от неё все эти симпатии, оставались без ответа. Небо молчало. Душа Ани металась, но поведать кому-нибудь о своих переживаниях она не могла — никто не должен знать об этом её глупом состоянии!

Словно тень, Аня ходила на работу, заставляя себя радоваться жизни. В середине июня она свалилась от перенапряжения.

Обследовав больную, врач заключил, что её нервная система истощена, и рекомендовал продолжительный отдых. Так Аня опять оказалась в Плотаве.

Для семьи её болезнь была ударом. Мать прилагала все усилия, чтобы поставить дочь на ноги, и умоляла Господа исцелить любимое дитя.

Все передвигались по дому на цыпочках, не желая лишний раз беспокоить больную. Истинной причины её недомогания никто не знал.

Лето выдалось тёплым, и работа в деревне кипела. Одна Аня лежала в постели и терзалась мыслью, что ничего не делает ни для Бога, ни для ближних.

«Зачем жить, если время проходит без пользы? — горестно вздыхала она. — Какой же у меня скверный характер: каждой мелочи придаю значение, а потом реву и никак не могу успокоиться...»

Кто-то из друзей принёс Ане книгу «Путешествие пилигри-

ма», так точно изображающую скитание христианина. Читая её, она не успевала прикладывать к глазам носовой платок. Сам Бог послал ей эту книгу, где так подробно раскрывается жизненный путь христианина, по которому идёт и она, Анна Ковалёва!

Мир тебе, дорогая сестра!

Предисловие

У меня есть две любимых сестры: родная сестра по плоти Саша и родная сестра по духу Нюся. С первой меня роднит кровь моей мамочки, со второй — невинная и чистая Кровь моего Спасителя.

Приветствие и пожелание

Нюрочка Ковалёва, прими мой самый пламенный братский привет! Дай руку, как сестра, и смотри мне прямо в глаза. Не отчаивайся ни в каких обстоятельствах жизни. Пари, как парила, стремясь к небесам. У Подателя благ проси чистоты сердца, души, мыслей и чувств.

Не смущайся ни от каких недостойных действий так называемых великих людей. Взирай только на Христа, подражай только Ему. Не скорби — мир и без того залит слезами. Радуйся — ведь ты познала спасительную истину Евангелия и вечный смысл Креста.

Мне приятно, что ты прочитала «Путешествие пилигрима». У меня на столе, среди блокнотов с записями из Великой Книги, учебников английского языка, высшей математики и других, есть также и эта книга, которую я привёз из Таллина. С огромным наслаждением я прочитал её первую часть. Как всё правдиво показано! Какие пилигримы различные! Посмотришь на христиан в наше смутное время — и каждого найдёшь в этой книге! Я слышал, что по своему значению она считается второй книгой после Библии. Её автор — англичанин Джон Буньян — 12 лет провёл в тюрьме за Спасителя и именно там написал эту чудную аллегорию, которая до сих пор сохраняет свою ценность.

После вдумчивого прочтения этой книги советую тебе прочитать книгу этого же автора «Духовная война».

Аня, желаю тебе радости. Согласись, что жизнь интересна, когда Господь даёт возможность понимать окружающее посредством Его откровений или же через книги. Интересна жизнь и в борьбе, если видишь её смысл. Поэтому стоит жить, нужно жить!

Нужно радоваться. Нужно любить друг друга. В любви — счастье. И всё это должно быть посвящено для славы единого Бога и распространения Его света на земном пути. Разделяю все твои скорби. Молюсь о твоём благополучии. Советую быть спокойной.

Недавно получил твоё последнее письмо. Оно меня окончательно убедило, что его автор — человек духовной глубины и душевной красоты. Только в этом я вижу величие людей — впрочем не людей, а Бога, прославляющего через них Своё могущество.

Вот почему я высоко ценил и ценю Анну Ковалёву, которая смиренно занимает положение, отведённое и предназначенное ей Самим Богом. И когда я говорил о мужественном герое XX века, о мудрости Соломона, то имел в виду лишь духовную сторону.

Я говорил (или писал) от восторга сердца, серьёзно, но Анна Ковалёва думала, что я смеюсь. Считаю, что великие люди на земле — ничтожны перед Богом. Исторический факт в Германии подтверждает эту мысль: Геринг и Риббентроп прогремели на весь мир, однако кончили тем, что прах их казнённых и сожжённых тел был «тайно развеян».

О моей прошлой жизни

Родился я в верующей семье в Пензенской области в 1921 году. Маленьким мальчиком посещал собрания в родной деревне Малиновке, любил декламировать стихи. По-детски верил в Бога. Выражал мысль быть проповедником Евангелия. Избегал всевозможных ссор и драк. Отличался кротостью, честностью. Так продолжалось до 1929 года, пока я не пошёл в школу, где на меня распространилось влияние греха и сатаны.

Я сдружился с мирскими мальчиками и был организатором различных проделок, катания на поезде, набегов на со-

седские огороды и сады и других плохих поступков. При разоблачении всегда получал соответствующее возмездие.

В 1933 году наша семья переехала в Суру, где обстановка изменилась к лучшему: старых товарищей не было, а новых заводить я не старался. Здесь я углубился в чтение Библии и духовных книг.

В 1936 году сознательно пришёл к Господу и пробовал быть святым.

С января 1944 года начинается цепь моих падений перед Богом. Эта цепь преступлений против небес ещё продолжается. Я падаю — Бог меня поднимает, я вновь падаю — и вновь «благость Господня, вечная сила» спасает меня. Всё это выражается в легкомысленных поступках, в безразличном отношении к духовным делам, в непокорности Божьей воле, в нарушении её, в заигрывании с миром.

С другой стороны, я непрерывно прошу Бога очистить мою совесть, стремлюсь к освящению души и обновлению сердца.

Преступление и молитва, падение и стремление к небесам — несовместимы... Я заслуживаю самой суровой казни, какая только есть или может быть, потому что, познав вечную истину, не до конца отдался Богу.

Почему это случилось в моей жизни, я начал понимать только теперь: в прошлом я гордился своей святостью и непогрешимостью. Даже больше того — иногда у меня появлялась мысль, что слова из Рим. 3, 10 ко мне не относятся, и я часто внушал себе, что никогда не согрешу против Бога. В этом моя трагедия.

Моё знакомство с Анной К.

Будучи в Москве, я прочитал в газете «Комсомольская правда» следующую заметку:

«Ученице десятого класса средней школы Ленинского района Курской области Анне К. семнадцать лет. Но уже десять лет девушка находится под влиянием местных баптистов, воспитавших её в духе религиозного фанатизма... Школьный совет не сумел повлиять на ученицу и поспешил избавиться от неё, исключив из школы...»

Тут я решил, что Анна К. — моя подруга (не невеста, а

ОГРАДИТЬ МОЛОДЕЖЬ ОТ СЕКТАНТОВ

Ученице десятого класса средней школы Ленинского района Курской области Анне К. семнадцать лет. Но уже десять лет девушка находится под влиянием местных баптистов, воспитавших ее в духе религиозного фанатизма.

Что можно сказать о школе, из стен которой выходит человек с укоренившимися вздорными религиозными представлениями и слепой верой в «священное писание»? Что можно сказать о педагогическом и комсомольском коллективах, проглядевших это позорное явление?

Только в апреле 1939 г. в школе узнали о баптистской агитации, которую в течение двух лет проводила К. Она, например, убеждала подруг не готовиться к весенним проверочным испытаниям, так как якобы «вскоре наступит конец мира».

Такой случай должен был встревожить дирекцию и комсомольскую организацию. Но этого не произошло. Школьный совет не сумел повлиять на ученицу и поспешил избавиться от нее, исключив из школы.

...ствующих безбожников пользуются баптисты и церковники.

Сектантские общины жадно цепляются за молодежь. В Льговском районе баптисты ведут активную пропаганду в школах и среди студентов местной медицинской школы и педучилища.

По советскому законодательству каждое религиозное об'единение должно быть зарегистрировано. Между тем, в Ленинском, Льговском, Иванинском и Конышевском районах Курской области ни одна баптистская община не зарегистрирована. Это создает ложное представление, будто с религией уже покончено и антирелигиозная пропаганда — пройденный этап.

В Курском обкоме ВЛКСМ антирелигиозной пропагандой занимаются от случая к случаю. Здесь считают, что на сектантов не стоит обращать внимания.

Еще 5 июня 1939 года «Комсомольская правда» в корреспонденции «Забытый участок пропаганды» сигнализировала Курскому обкому ВЛКСМ о забвении им антирелигиозной работы.

Клеветническая статья в газете «Комсомольская правда» от 24 марта 1940 г.

союзница по взглядам и поведению в жизни). Мне казалось, что в этом знакомстве есть что-то, предначертанное Самим Богом. Жаль, точного адреса в статье не было.

Статью я вырезал и положил в нагрудный карман. Я носил её с собой семь лет!

В 1941 году началась война, и меня призвали в ряды Красной армии. Среди солдат я пытался найти кого-нибудь из Курской области. К счастью, это удалось — им оказался твой одноклассник. От него я узнал, что тебя арестовали, и моё сердце тоскливо заныло. С того дня я стал молиться, чтобы Господь помог тебе и не оставил тебя, такую юную, в тяжёлом пути.

Вернувшись после войны в Москву, я однажды прочитал эту газетную статью друзьям на молодёжном собрании.

— Вот какие герои есть в наше время! — торжественно объявил я на весь зал.

— А я эту девушку знаю! — вдруг сказала Вера Мишина. — Мы с ней из одной деревни...

Не веря услышанному, я засыпал Веру вопросами, но о последних годах твоей жизни ей было мало что известно. Она собиралась провести отпуск в Плотаве и пообещала всё выяснить.

Прибыв из родных краёв, Вера сообщила мне, что ты уже дома, и я взял у неё твой адрес. С тех пор у нас началась переписка.

О наших письмах

Твоё первое письмо датировано 8 декабря 1946 года. Для меня это был исторический день. Я ликовал, я торжествовал: наконец-то пришло письмо от человека, которого я искал семь лет!

Письмо было простое, задушевное, в котором не найдёшь и тени намёка на большее, чем брат и сестра. (Говорю это по необходимости, поскольку ты считаешь, что я думаю или думал о твоих отношениях ко мне, ведущих к замужеству. Наоборот, как в переписке, так и при встрече я узрел твоё достойное, свободное, целомудренное поведение. Но это не твоя заслуга, а Божья.)

Все твои письма я считал и считаю искренними. В твоём приглашении я видел любезность сестры, поэтому без стеснения (как брат и не больше) поехал к вам в деревню.

Вечером мы отправились на собрание. Я шёл рядом с тобой, а за нами следовали друзья. Это был прямо-таки парад небесных сил в Плотаве! О чём мы говорили, не помню. Я находился в состоянии какого-то смешанного чувства великой радости и глубокого раздумья. Вот венец моего семилетнего труда — рядом со мной самый обыкновенный человек! Да будет имя Господне благословенно: именно этого человека Господь избрал орудием Своей славы!

Ты считаешь, что я оправдываю себя? Но я не вижу никакой мудрости в том, что так просто. Какова жизнь — таковы и мысли. Если моя жизнь не запутана, то и рассуждения не страдают выдумкой философских комбинаций. Я стараюсь никогда не оправдываться, мне это совершенно не нужно, ибо сам факт оправдания часто говорит: оправдывающийся

не прав. Трезвый не доказывает, что он трезв, нетрезвый же иногда пытается доказать, что он трезв. Ни одно моё письмо не преследовало цели переубедить тебя в чём-либо. Мне безразлично, как отзываются обо мне люди. Желаю, чтобы говорили и думали не обо мне, а о моём Вожде, славу Которого хочу распространять повсюду.

Все мои письма были написаны от сердца. Я никогда не говорю (тем более не буду писать!) то, что противоречит моим чувствам. Лучше промолчать и не сказать ни слова.

Вернувшись из Плотавы, я написал в благодарственном письме на твоё имя только то, что было у меня внутри. Прочитай его ещё раз — и поймёшь.

До свидания. Крепко жму руку.

Григорий Кузнецов
Таллин, 21 июня 1947 г.

Это признание потрясло Аню. Только теперь она ясно поняла, что отношение Григория к ней абсолютно искреннее и чистое. В одно мгновение девушка осознала, что до сих пор противилась Божьей воле и своим недоверием огорчала любящего человека.

Ей стало мучительно стыдно, казалось, что она совершила какое-то тяжкое преступление. От жалости к Григорию её душа рвалась на части. Желание остаться безбрачной не исчезло, но надежда на его исполнение была потеряна.

Анина подушка не просыхала от слёз.

«Ах, почему я раньше не увидела в этом брате Божий подарок? Почему заставляла его страдать? Зачем поверила сплетням? Почему шла против рожна?» — день и ночь корила себя больная.

Навязчивая мысль, что она охладела в любви к Богу, забирала последние силы. Физическое состояние ухудшилось: аппетит совсем исчез, сон бежал, появились головные боли.

Ане очень не хотелось докучать Григорию своими жалобами. Но кому ещё открыть сердце? Кто поймёт её в эти трудные минуты, как не любящий человек?

Ровно пять дней она пыталась написать Григорию письмо и не могла — мешали слёзы...

Нюся, здравствуй! Прими мой чистый, искренний привет из глубины души!

Любящим Бога, призванным по Его изволению,
всё содействует ко благу.
Рим. 8, 28

Сегодня узнал о твоей болезни. Готов разделять скорби всех людей, тем более — твои жизненные тяготы. Но хочу сказать: не оставляй своего упования. Весь смысл наших страданий сокрыт во Христе, поэтому нет надобности умирать раньше назначенного времени.

Тяжела жизнь? Для того мы и поставлены Богом на земле, чтобы зажечь огонь Евангелия в холоде неверия, пролить свет спасения в гибельной тьме, окружить скорбящих людей радостью, объявить им о вечной жизни перед чёрным мраком могилы. Неужели этот труд неинтересен? Труд земной должен служить средством для труда духовного! Поэтому я и хотел бы окончить институт, чтобы извлечь для этого все возможности.

Временную работу по рыбной ловле я завершил. 11 июня приехал в Таллин. На днях уезжаю в Москву, затем — в Суру.

Вчера вечером был на собрании верующих эстонцев. Непонятен язык, но понятна любовь, связавшая нас без различия наций. Я радуюсь, у меня очень хорошее настроение, и мне хочется, чтобы радовались все — особенно ты! Очень желаю, чтобы твоё сердце парило на высоте небес, как это было в 1939 году!

Выздоравливай. Укрепляйся физически и духовно. Молись и верь. Верь и молись. Уповай. Оставайся в мире и покое.

До свидания. Ответ жду в Суре.

Твой брат и друг Григорий Кузнецов
Таллин, 14 июля 1947 г.

Эти слова утешения как нельзя вовремя вернули Аню к действительности. Выздоровление наступало медленно, но сейчас больная будто воскресла. На самом деле — ведь не всё так страшно! Зачем попусту лить слёзы?

Стоял жаркий июль. С утра до вечера Ковалёвы трудились в поле, и Аня, прячась от солнца, готовила для семьи пищу.

Немая тишина в доме подчас повергала девушку в уныние. Совесть продолжала мучить. Сердце опять начало обрастать грузом, от которого было трудно дышать...

«О Господи, прости меня! — стонала Аня, помешивая суп в котелке. — Пока я не думала про Григория, у меня было всё хорошо, я радовалась жизни. А теперь? Что со мной происходит? Прости, Боже, за то, что роптала на свою долю, не хотела соглашаться с Твоими планами!»

Чувствуя себя преступницей, достойной сурового наказания, Аня решила извиниться перед Григорием.

«Если я не сделаю это в письме, то при встрече вряд ли смогу что-нибудь сказать, — подумала она, гоня прочь стыд и неловкость. — Лучше пусть он узнает сразу от меня, чем потом от других!»

Ане хотелось, чтобы Григорий правильно понял и оценил её состояние. Конечно, не всё она могла выразить словами, не всё могла вынести из тайников души, но искренне просила брата молиться о ней.

К концу месяца здоровье Ани значительно поправилось, и она вышла на работу. В начале августа она вновь получила письмо от Григория.

Привет тебе, сестра моя!

Я снова в Суре, где разделяю радость общения с моими родными.

Прошу тебя не сокрушаться по поводу своих прошлых писем: они написаны от сердца, под влиянием соответствующих чувств и настроения. Я не достоин, чтобы у меня просили прощения. Но я всем прощаю авансом и заочно, тем более тебе.

«Всё ко благу для меня!» Да будет прославлено имя нашего Владыки, допускающего различные переживания, ведь они приносят нам пользу. Всё для Него: жизнь для Него, мысли для Него, любовь для Него, наша встреча для Него!

Я не считал и не считаю тебя в чём-либо виновной передо мной. Стараюсь никогда не обвинять человека, а, наоборот, ставлю себя на его место и ищу оправдания его действиям

(это не гордость и хвальба, а смирение перед величием Творца). В твоих письмах я не видел ни капли плохого в суждениях обо мне. Лучше писать то, что на сердце, чем заискивать и поддакивать там, где следует сказать «нет».

Двадцатый век своеобразен. Жизнь людей противоречива. Печально, что христиане зачастую не отличаются от неверующих. Поэтому у нас есть основания порой не доверять кому-либо: разве мало бродяг под маской наивности и простодушия? А я не только не имел обид на тебя, но даже при чтении отдельных твоих писем восклицал: «Вот подлинно израильтянин, в котором нет лукавства!» Не волнуйся. Успокойся. Во всём подражай Христу. Ближе к Нему! Проникнись содержанием 13-й главы Первого послания к Коринфянам.

Настоятельно прошу не считать меня великим и ни в каком кругу людей не говорить обо мне ничего восторженного. Я самый обыкновенный человек, не имеющий в себе ничего доброго. Текст Рим. 7, 14-25 полностью прилагаю к себе. Также убедительно прошу тебя быть свободной абсолютно во всём: в чувствах, в стремлениях, в мыслях. Больше святости! Больше чистоты сердца! Радуйся!

Тебя приветствуют мои родные.

В одном журнале недавно прочитал:

Не осуждай. Запомни: все мы люди,
Все слабы, немощны, опутаны грехом.
Волнуют нас земные нужды.
В грехе родились — и в грехе живём...

Не осуждай. Не делайся судьёю,
Спроси себя: ты сам-то лучше их?
О брат! Кто чист поистине душою,
Тот благ к погрешностям других.

Не осуждай. Ведь слову нет возврата.
Усвой душой своей одно:
Сучок увидишь в глазе брата,
А проглядишь в своём бревно...

Не осуждай, чтоб горьким обличеньем
Вдруг не свалился с высоты
Тот самый камень осужденья,
Который в брата бросил ты.

Не осуждай. Дерзнёшь ли поручиться,
Что ты пристрастием не будешь увлечён?
Не осуждай. Ты можешь ошибиться...
Не осуждай — не будешь осуждён!

Твой брат и друг Григорий Кузнецов
Сура, 27 июля 1947 г.

«Он меня прощает! — радостно забилось Анино сердце. — И зачем только я ревела? О да, как легко можно измотать свою душу, подорвать здоровье, лишиться внутреннего мира! Господи, благодарю Тебя за помощь, за ободрение, за ту свободу, которую имею в Тебе!»

Она готова была летать от восторженных чувств, но физических сил для этого не было.

Милая Нюся! Мир твоему сердцу!

Пусть совершенная радость объемлет тебя! Зачем скорбеть, зачем мучить себя? Тебе ли переживать? Тебе ли — человеку, героически вынесшему испытание прошлого? Нужно сделать всё зависящее от тебя или меня, чтобы прекратить это твоё томление.

Убедительно прошу: при любом отношении ко мне сохрани чистоту и святость души!

Сохрани любовь к Господу и в ней раствори всё остальное, ибо любовь к человеку не исключает и не вытесняет любви к Богу. Наоборот, эта любовь должна ещё больше возгреть любовь к Вершителю судеб.

Если же в сердце появились мысли и чувства, хоть немного ослабляющие любовь к Спасителю, то не задумываясь отвергни их. Всё должно усиливать любовь к Творцу, всё должно иметь цель прославить Его.

Я, кажется, понимаю твои переживания и даю совет проникнуть в смысл слов 1 Кор. 13, 11. Мы часто не способны предвидеть то, что может встретиться на жизненном пути.

Вчера вернулся из Москвы: провожал Веню в Ленинград для поступления в Высшее мореходное училище. В середине августа предполагаю быть в Курске. Рвусь увидеть тебя.

Хочется многое написать тебе, но никак не могу последовательно собрать мысли. На этом заканчиваю. Остальное при встрече.

Привет! Привет! Привет!

Твой брат и друг Григорий Кузнецов
Сура, 4 августа 1947 г.

Искренно полюбив Аню, Григорий просил у Бога для неё мудрости, здоровья, особого благословения. Не дождавшись от неё письма, он 21 августа самолично явился в Курск. Для Ани это был сюрприз, несущий с собой радость, прилив духовных сил и даже физическую крепость. Согласие всецело доверить свой жизненный путь Господу наполнило её душу умиротворением.

Они встретились вечером, после работы, когда Аня собиралась идти на огород. Застав сестру врасплох, московский гость быстро сориентировался: вызвался помочь ей собрать овощи. Как давно знакомые, друзья отправились на окраину города.

На обратном пути Григорий сделал Ане предложение.

В конце своей длинной и вдохновенной речи он произнёс:

— В знак согласия прошу дать мне руку!

На тот момент Аня уже не могла отказать ему. Ей вдруг показалось, что жизнь без этого человека невозможна.

«По-видимому, это мой жребий», — подумала она, трепеща от счастья.

На пороге Аниной квартиры Григорий, расставаясь, сказал:

— Теперь мы жених и невеста! С сегодняшнего дня у тебя на земле есть друг, для которого твои скорби являются его скорбями, твои радости — его радостями.

Эти нежные слова Аня запомнила на всю жизнь и в

трудную минуту доставала их из сердечной сокровищницы, чтобы получить поддержку.

На выходные Григорий и Анна поехали в Плотаву. Родные были в восторге, узнав о решении молодых. Так же приятно отреагировали и христиане в общине.

Ане казалось, что она видит прекрасный сон. И лишь первого сентября, когда Григорий собрался уезжать, она вдруг опомнилась.

Прощались неохотно. На дворе лил дождь и свистел ветер, но в двух любящих сердцах было тепло и уютно. Оба пламенно молились, предавая друг друга в надёжные Отцовские руки. И только жгучая боль от сознания разлуки оставалась с ними, как неизменный спутник...

В ожидании брака

Милая Нюся!

Прими мой горячий, задушевный привет!

Ты тоскуешь? Зачем? Господь силён заменить скорбь отрадой, потерю — приобретением, грусть — веселием, смерть — жизнью. Уповай на Него и радуйся: наша счастливая встреча — впереди! Молись о её благословении небом.

Ходил в институт. Сдавать экзамены в этом году я не буду. На днях мне предстоит сняться с учёта (гражданского и военного), после чего на короткое время попытаюсь выехать в Таллин. Как только получишь отпуск, приезжай в Суру. Я уже соскучился по тебе, очень хочу видеть тебя. Ох, зачем я это пишу? Нет, любовь должна быть разумной. Мы должны знать границы влечений друг к другу. Мы должны спокойно предаваться нашим чистым и святым чувствам.

Там, на небесах, сияет вечное Солнце вечной Любви. Туда мы должны направить свои взоры, у этой Любви мы должны учиться любить друг друга, учиться стойко переносить разлуку в надежде на благословенную встречу, учиться мужественно переносить все печали и жизненные невзгоды, зная, что Господь щедро увенчает нас Своими благами.

Разве не отрадно об этом думать? На небесах у нас есть Возлюбленный, за Которого мы готовы страдать и умереть. А Он, наш Господь, предназначил нас друг для друга на земле — у меня есть невеста, у тебя есть жених. Я не могу не радоваться и славлю за это Его, Создателя моего и Бога моего!

Часто вспоминаю нашу вторую встречу. Не забыть окрестностей Курска, где 21 августа 1947 года мы объявили друг другу своё решение о принадлежности и верности.

С особым чувством вспоминаю наше посещение Плотавы. Передай маме и родным горячую благодарность за гостеприимство, а также приветствие всем друзьям Господа Иисуса Христа.

На этом заканчиваю. Оставайся в молитве к Богу. Читай Его Книгу. Воспевай Его глубокую любовь к нам. Сияй в лучах Его света. Отражай Его свет в своей жизни.

Пусть Господь надзирает надо мной и над тобой. Вечная слава Ему!

Оставайся в мире с Богом. Не грусти, не тоскуй!

Твой Григорий Кузнецов
Москва, 4 сентября 1947 г.

Аня ещё наслаждалась этим письмом, перечитывая его по многу раз в день, как пришло следующее.

Привет тебе, моя милая Нюся!

Голубица моя в ущелье скалы под кровом утёса!
покажи мне лицо твоё, дай мне услышать голос твой,
потому что голос твой сладок и лицо твоё приятно.
Песн. 2, 14

Сегодня встретился с одной сестрой из хора, и она рассказала мне свою сердечную трагедию. Шесть лет она переписывалась с верующим молодым человеком, которого любила и за которого все шесть лет мечтала выйти замуж. Однако он ей изменил. Видимо, не особо ею интересовался. Но она готова ему всё простить, лишь бы он женился на ней.

Вечером мы беседовали с некоторыми другими сёстрами, и я поведал им нашу историю. Все присутствующие были поражены.

«Что это? Реальность?» — спрашивали они, воздавая хвалу премудрому Богу.

Во время молитвы та хористка плакала навзрыд. Она просила у Господа сил быть такой, как «эта девица» из моего рассказа.

А моя душа ликовала и ликует, потому что наше знакомство, наша переписка, наши встречи, наша любовь — всё это является живой проповедью о промысле Божьем, о чудном исполнении Божьих обетований, о Его предвидении.

Хочу славить Господа за то, что мы — орудие распространения Его славы. Хочу радоваться тому, что мы служим примером взаимной искренней любви жениха и невесты. Хочу молиться, чтобы наша любовь была чистой, без всякого мусора. Хочу как можно скорее встретиться с тобой, чтобы вместе разделить эту радость, этот восторг!

Прощаясь с той страдающей хористкой, я признался, кто «эта девица» из моего рассказа. Она просила передать тебе горячий привет и известить, что твоё поведение натолкнуло её на глубокие размышления. Тронутая твоей жизнью, она задаёт себе вопрос: «Почему я не такая?» Она просит тебя молиться за неё.

Очень хорошо, что к нам обращаются с подобными просьбами. Мы должны молиться за людей.

Пусть это короткое сообщение напомнит тебе и мне об ответственности за наши отношения. Наше знакомство должно быть чисто и свято. Наша переписка должна быть чиста и свята. Наши встречи должны быть чисты и святы. Пусть Господь сохранит нас в чистоте и святости, ибо Он — источник нашей любви.

Завтра вечером уезжаю в Ленинград и затем в Таллин. Славлю моего Бога за то, что Он помог мне сняться с учёта в Москве, побыть сегодня на собрании и так быстро купить билет.

До свидания!

В молитвах за тебя, твой Григорий
Москва, 10 сентября 1947 г.

Стопка писем от любимого и любящего человека увеличивалась с каждой неделей.

Милая Нюся, прими чистосердечный привет из Ленинграда!

Желаю тебе возрастать в познании нашего Господа и укрепляться в вере среди всяких переживаний и волнений.

Радуюсь, что моя жизнь течёт под чудным руководством Верховного Управителя. Славлю Его за то, что Он благословил меня вчера вечером прибыть в Ленинград.

Мне хочется (и я молюсь об этом), чтобы твоя жизнь проходила только по Его воле, только под Его водительством, чтобы ты также радовалась и прославляла Его. Особенно горю желанием, чтобы Господь соединил нас. При написании этих слов моё сердце трепещет.

Сейчас нахожусь один в квартире и готов плакать от радости. Хвала Ему, нашему Господу, за то, что Он чудным путём творит во мне и тебе новую жизнь, создаёт единый храм из двух человеческих существ, которые возложили своё упование на Него и решили прежде всего искать Царства Божьего. А Он, наш Бог, прилагает и всё остальное.

Последователи Христа должны трудиться для Него. Мы не имеем права жалеть ни ума, ни сил, ни времени, чтобы рассказывать людям о Спасителе.

«Все к труду!» — зовёт Евангелие.

«Иди в виноградник Мой», — приглашает Хозяин.

«Господи Боже! я не умею говорить, ибо я ещё молод», — сопротивляется человек.

«Вот я! Пошли меня!» — должен воскликнуть я, должна воскликнуть ты.

С такими мыслями я приехал в Ленинград.

Ленинград — город, основанный Петром I. Город, перенесший тяжёлые испытания в пору войны...

Пострадавший город вновь красив. Прекрасны улицы, парки, здания. Но не в этом величие города. Тут, на одной из улиц Охты, проходят собрания искупленных Христом душ. В этом — красота, в этом — величие Ленинграда для нас. В этом — слава Богу!

Радость, радость непрестанно. Будем радостны с тобой!

Твой Григорий Кузнецов

Ленинград, 13 сентября 1947 г.

Моя милая Нюся!

Шлю твоему сердцу горячий привет!

В понедельник прибыл в Таллин, чтобы получить расчёт за свой летний труд.

Сегодня мне посчастливилось побыть на собрании русских верующих. Перед началом руководящий предложил мне сказать проповедь, но я отказался, сославшись на то, что готов больше к слышанию.

На богослужении было всего несколько мужчин и женщин, юношей и девушек, мальчиков и девочек. Когда же они запели: «Ближе, Господь, к Тебе...» — я расплакался. Моя душа слилась со словами песни. Это я прихожу к моему Спасителю, это мне хочется чувствовать Его близость всегда и везде, во всех поступках, во всей жизни.

Перед заключительной молитвой руководящий проповедовал на текст из Песни Песней (2, 4) и сделал такой вывод: можем ли мы молчать о нашем Господе? Может ли не говорить о Нём тот, кто испытал на себе Его любовь? Если жених и невеста стараются всюду говорить друг о друге, тем более мы, верующие, должны всюду благовествовать о Женихе нашей души!

Я опустил глаза. Это упрёк мне. Это Сам Господь обличает меня в том, что я отказался возвещать о Нём в собрании верующих.

«Господи, прости меня! Я готов трудиться для Тебя. Хочу всё отдать Тебе!» — зажглась во мне решимость целиком служить Ему. Молюсь об этом.

Сейчас нахожусь на берегу Финского залива. Любуюсь простором и красотой природы.

Здесь хорошо, но это не для меня. Рвусь отсюда. В Суру, в деревню, подальше ото льда, волн, холода, ветра, людского потока. В деревню, поближе к природе, к уединению для молитвы, для евангельского труда.

Туда, в Суру, должна приехать и ты. Дай, Господи, нам встретиться! И хоть тоска, благородная, чистая тоска, иногда пронизывает душу, — мысль о нашем союзе вытесняет её. Я просто ликую!

Счастлива жизнь, если в центре её — Бог!

Милая, когда поедешь в Суру, захвати адрес твоего отца. Я хочу написать ему письмо.

До свидания!

Твой Григорий Кузнецов
Таллин, 18 сентября 1947 г.

Дорогая Нюся!

Наконец настало время возвратиться мне на мою земную родину, в Пензенскую область.

Восемь лет назад, в августе 1939 года, я простился со своей семьёй — и начались мои скитания. Но Господь был со мной и сохранил меня. Так пусть же Он будет прославлен через всю мою дальнейшую жизнь!

Сегодня в 23:30 я должен выехать из Таллина в Москву. В Москву! Какая радость! Там надеюсь получить твоё письмо.

Вечером, перед отходом поезда, планирую быть на собрании русских верующих в Таллине, завтра — на собрании в Ленинграде, а послезавтра — да здравствует Москва!

Итак, моё возвращение в Суру определено. Хочется верить, что всё будет хорошо, наша встреча будет приятной, наша совместная жизнь будет счастливой.

Напиши о себе. Да благословит тебя Господь!

Всем родным привет!

Твой Григорий Кузнецов
Таллин, 24 сентября 1947 года

Письма от Григория были для Ани хорошей духовной пищей и направляли её взор к небу. Читая их, она проверяла себя: дорожит ли её душа общением с Господом? прославляет ли она Спасителя за чудо спасения? не засорилось ли её сердце плотскими помыслами?

Отчётное письмо моей невесте о посещении Таллина

В каком-то журнале я читал статью об ангелах. Автор писал, что есть невидимые и есть видимые ангелы. Роль по-

следних часто выполняют муж или жена, родители или дети. Мне хочется, чтобы мы с тобой сумели выполнить это великое служение видимого ангела. Пусть Господь благословит тебя и меня для Его дела, для Его славы!

Приветствую тебя, мой любимый ангел!

Прими самые добрые пожелания здоровья и сил в твоей жизни. Учись быть спокойной даже при глубоких сердечных переживаниях. Господи! Благослови нас обилием Твоих щедрот и милостей!

Дорогая, сообщаю тебе, что моя поездка в Таллин была превосходной. Сам Господь охранял меня в пути, благословлял мои посещения верующих, давал мне дерзновения при беседах с ними и ясно показывал, что жизнь человека совсем не зависит от изобилия его имущества. Я имею в виду мой расчёт за работу в мае-июле текущего года, потому что вместо ожидаемых тысяч я получил сотни (всего 1800 рублей). Но славлю Господа и за это.

Ты правильно говорила: «Было бы здоровье — будет всё. Бог из ничего может создать всё и из всего может сделать ничего». Бог даст здоровья, Бог даст сил — будем трудиться и будем счастливо жить! Бог начал нашу любовь, Он и продолжит нашу единую жизнь. Да не исчезнет наша вера в Него!

В среду, 24 сентября, Таллинскую русскую общину посетил гость. Он проповедовал на текст: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдёте; стучите, и отворят вам» (Мф. 7, 7).

Эти слова мы часто произносим легкомысленно, тогда как они имеют большое значение. Их произнёс Сам Господь! Мы молимся, мы просим. Но все ли и всегда ли получают просимое? В Евангелии от Луки сказано, что Иисус молился, и отверзлось небо. Вообще, небо для нас бывает закрытым по причине нашего греха. Сердечная молитва — ключ к дверям неба.

Что значит отверстое небо? Над землёй ползут свинцовые мрачные тучи. Тоска и ужас охватывают душу. И вдруг в одном месте — синее воздушное окошко, откуда пробивается луч света. Отверзлось небо!

Духовный смысл: во время молитвы человек видит луч Божьей любви. Господь может открыть двери неба!

В Пс. 33, 6 мы читаем: «Кто обращал взор к Нему, те просвещались...» Когда Христос молился, Его лицо сияло. И мы должны сиять после молитвы, сиять нашим поведением, нашей жизнью. Если же этого нет, то наши молитвы — только обряд.

Два мальчика стояли у дверей комнаты, где молилась их мама. Некто пытался туда войти, но дети его остановили: «Тише, дядя, там молится наша мама. Мы не хотим её тревожить, потому что после молитвы она такая радостная, ласковая, добрая, сияющая!»

В Деян. 4, 24 сказано, что апостолы молились единодушно. Дух разделения нельзя оправдать никакой духовностью, никаким совершенством. Грех разделяет людей. Христос объединяет людей.

Сила молитвы — поддерживать друг друга. Сила собрания — молитва. Молитва — помощь во всех нуждах. Если мы не умеем молиться, будем взывать: «Господи, научи нас молиться!» Просите — и дано будет вам. Своими молитвами абсолютно каждый может участвовать в великом строительстве Божьего Царства.

После проповеди все опустились на колени. Небо отверзлось для многих душ.

Хвала Тебе, Боже, за то, что Ты повелеваешь рабам Своим наставлять нас, вразумлять нас, ободрять нас!

После собрания и личной беседы с гостем я выехал в Москву. Заезжал в Ленинград, вместе с Веней побыли там на собрании, и вчера я вернулся в столицу.

Милая, твоим письмам я очень обрадовался. Прошу тебя: ради нашего счастья, ради полного благополучия будущих детей сберегай своё здоровье! Храни свои нервы. Милая, воспитывай себя быть спокойной. Молись.

Ответное письмо пиши в Суру, так как завтра или послезавтра я должен отъехать туда.

Твой Григорий Кузнецов
Москва, 27 сентября 1947 г.

Приветствую тебя, милая Нюся! Желаю благ неба и земли!

Сегодня рано утром прибыл в Суру. Думаю здесь устраиваться на работу.

Мои родные живы и здоровы. Недавно из Саратова приезжала Саша, она восторженно приветствует наш с тобой союз. Все мои близкие хотят тебя видеть. Отец давно считает тебя своей дочерью. Нам выделяют тёлку, которая в мае должна стать коровой.

Сообщи, пожалуйста, имя и отчество твоей (теперь уже и моей) мамы. Мои родители хотят написать ей письмо.

Господь, начавший дело нашей любви, даст нам и мудрость, как провести её в жизнь, чтобы могло ещё больше прославиться Его святое и дивное имя! В этом я уверен и хочу, чтобы ты тоже имела такую уверенность.

Саша говорит, что всеми силами хочет помочь Ковалёвой окончить высшее учебное заведение.

С чувством чистой любви твой Григорий Кузнецов
Сура, 30 сентября 1947 г.

Здравствуй моя родная Анна!

> *Страшно потерять молодость.*
>
> *Между тем, учение Христа есть Евангелие вечной молодости.*
>
> *Тот, кто прожигает молодость для себя, тот потеряет её и некогда, оглядываясь на своё прошлое с его светлыми порывами, будет переживать неизлечимую печаль. Но кто отдаст свою молодость Христу, тот постигнет тайну вечной бодрости, энтузиазма и творческой силы.*
>
> *Молодость — Христу! И скорее, пока душа отзывчива на всё возвышенное и прекрасное!*
>
> *В. Ф. Марцинковский*

Аня, как бы я хотел знать, что твоё сердце, несмотря на тяжесть нашей разлуки, свободно от жгучей тоски! Пишу

это судя по себе: иногда тоска целиком завладевает мною — хочу быть с тобой, но ты далеко. И я стараюсь отвлечься наукой, мыслями, а главное — молитвой и чтением Святой Книги.

Сегодня через директора Сурской средней школы подал в районо заявление направить меня преподавателем черчения и математики в местную школу. Наверное, с понедельника приступлю к работе.

Думаю, вопрос твоего приезда в Суру разрешится положительно. Мои родные весьма здраво расценивают наши отношения как жениха и невесты и приветствуют личные встречи и посещения друг друга. Они считают тебя своей и единодушно хотят, чтобы со мной была только ты.

Другое дело, как посмотрят на эту поездку твои односельчане? Но они могут и не знать о ней, поскольку ты живёшь в Курске. Правильно я понимаю? Предлагаю тебе взять отпуск во второй половине ноября.

Желаю здоровья и сил, свежести и бодрости. Не тоскуй. Радуйся.

Мои родные благословляют нашу жизнь с тобой, которая рисуется мне очень счастливой. Господь Иисус — основа нашей любви!

Пиши чаще.

С сердечным приветом Григорий Кузнецов
Сура, 2 октября 1947 г.

Моя Нюся! Прими горячий привет с желанием порадовать тебя!

Поскольку в твоём сознании чистые возвышенные мысли, в твоей душе — святые незапятнанные чувства, в твоём сердце — беспредельная любовь, поскольку Сам Господь — всё в твоей жизни, постольку ты должна радоваться, утешать других и всем проповедовать о чудных делах нашего Отца.

Сегодня мне сообщили, что приказом районо я назначен учителем математики и черчения в средней школе. С шестого октября по милости Подателя всех благ приступаю к работе. Начну трудиться с Его благословением. Также думаю

заниматься науками, чтобы успешно окончить институт.

Моя дорогая! Как твои дела, здоровье? Как питаешься? Как настроение? Наше ласковое слово может внести много светлого в жизнь человека, опечаленного различными тяжестями.

Привет твоей (и моей) маме. Прошу её молиться за нас, за наше счастье.

Привет Маше и Тане. Пусть они уповают на Бога и больше молятся.

Привет дядюшке. Пусть он глубже познаёт истину Евангелия, ибо в ней красота жизни.

Привет всем родным. Пусть они радуются, смотря на нашу любовь.

Не буду утомлять тебя своими приветами. Хочу только спросить: неужели ты не приедешь в Суру? Думаешь отделаться письмами?!

Я жду тебя, как гостя дорогого,
Любимая моя, в Суру.
Хочу услышать ласковое слово,
Хочу тебя увидеть наяву!

Плохая рифма, зато — какие слова! От сердца, от тоскующего сердца!..

Господи, благослови нас!

Твой Григорий Кузнецов
Сура, 4 октября 1947 г.

С упоением читая письма Григория, Аня загрустила: «Интересно, отпустят ли меня в Суру? Конечно нет! На работе — завал, и отпуск вряд ли дадут. Своих денег на дорогу не хватит, а просить у мамы — стыдно... Да и что подумают люди, если я, невеста, сама поеду к жениху? Ведь всё должно быть разумно!»

Сомнения, недоверие Богу и человеческий страх с новой силой стали одолевать христианку. Чувствуя, что ослабевает, она взмолилась:

— Дорогой Господь! Чего мне только не приходилось переносить в тюрьме, в лагере — и Ты всегда укреплял меня. А теперь обычным девичьим волнением я размотала своё здоровье! Прости меня и помоги идти за Тобой твёрдой поступью, всё больше и больше доверяя Тебе!

Ане хотелось поступить по-Божьему, не так, как диктовала плоть, и она долго стояла на коленях в ночной тишине. Сердце её рвалось к Григорию, но надежда на встречу вдруг улетучилась. Она никак не могла решить, надо ли рассказывать жениху о своих переживаниях?

Полмесяца Аня ходила в подавленном настроении. Но в один прекрасный день она, к своему удивлению и восторгу, обнаружила в почтовом ящике сразу два конверта.

Моя любимая Нюсенька! Мой подарок небес!

Хочу, чтобы ты вместе со мной пела:

Он берёт меня за руки
И опять вперёд ведёт;
Я не знаю с Ним разлуки,
Я не знаю с Ним забот...

Сегодня получил твоё письмо. И радовался, и скорбел.

Кто сказал тебе, что мы не увидимся? Кто внушил тебе, что нам не придётся быть вместе? Не Господь ли даёт испытания любящим Своим, и не Он ли посылает силу перенести их? Не Он ли подарил нам такую любовь друг к другу? Разве это случайность, что мы — жених и невеста? Разве не ясно, что наш Бог ведёт нас к брачному союзу?

Это — Его дело, в этом — Его рука, и я непоколебимо убеждён, что в текущем году мы встретимся, а после — соединим наши жизни. Я глубоко верю, что Бог исполнит наши желания, ибо через них Он прославит Своё имя. Никакие события не помешают этому, ведь Сам Бог создаёт что-то новое и для меня, и для тебя.

Разве непонятно, что «благословенна ты», Ковалёва?! Какие могут быть сомнения и опасения? Неужели у тебя нет

веры? Успокойся. Не скорби. Мир и без того залит скорбью.

Давид сокрушался об Авессаломе, восклицая: «Сын мой, сын мой! О, кто дал бы мне умереть вместо тебя!» Христос плакал на могиле Лазаря. Проханов был потрясён неожиданной кончиной сына. Ковалёва убивается из-за предчувствия какой-то катастрофы...

Любовь всегда полна героизма. Утратив детей, Иов сказал: «Господь дал, Господь и взял — да будет имя Господне благословенно!» Печалиться нет оснований. Любящим Бога всё содействует ко благу. Мы этому верим, а значит не должны сокрушаться.

Тебя мне дал Господь и, если захочет, может взять обратно, но сейчас Он хочет соединить нас (я этому верил, верю и буду верить!) и ещё раз напомнить нам: в первую очередь надо искать Божьего Царства.

Сегодня в нашем доме был разговор, чтобы во время школьных каникул (в январе 1948 года) мы повенчались и жили в Суре. Во-первых, весной я бы получил отдельный участок земли; во-вторых, летом нецелесообразно играть свадьбы, ибо твои и мои родные поглощены работой.

Действительно, хорошо, если мы повенчаемся в начале года (хотя я планировал в июне-июле). В таком случае весной мы засеем огород, а в августе я возьму отпуск, и мы съездим в Москву, к твоим родным, в Пензу или ещё куда-нибудь.

Мы с нетерпением ждём тебя, чтобы окончательно решить этот вопрос. Бери отпуск или лучше увольняйся совсем и приезжай к нам. Здесь мы всё обсудим и одновременно исключим из своих сердец нашу общую тоску.

На зимних каникулах я с кем-нибудь из родных поеду в Плотаву за невестой — за тобой, моя дорогая Нюся! Обо всём этом мои родители напишут твоей маме.

Я сегодня ликовал от всех этих размышлений, ибо ещё немного — и ты будешь со мной! Вот путь нашего объединения. Господь благословит нас!

До свидания! До свидания!

Не скорби же: начатое со слезами — окончится радостью!

Твой Григорий Кузнецов

Сура, 17 октября 1947 г.

Приветствую тебя, любимая!

Веруя молись,
Молясь веруй.

Ты вся истерзана? Какое имеешь право страдать за благополучие нашей встречи? Ведь Господь, для славы Которого мы объединяемся, сделает то, что Ему угодно, сделает всё для нашего счастья; а счастье наше в том, что мы — Его!

Ты потом увидишь, что наш союз скован Самим Богом, и никакие призраки возможных бедствий или войны не помешают торжеству нашей любви. Я в этом глубоко убеждён, ибо скала, на которой воздвигается дом молодой четы Кузнецова и Ковалёвой, сокрыта в Самом Христе. А где Христос — там победа!

Я сильно волнуюсь по поводу твоей жгучей тоски и боли сердца. Мне так хочется тебя утешить, но не знаю чем. Прошу: больше работай, больше читай, больше встречайся с людьми, рассеивай думы о неудачах в нашей встрече (всё будет хорошо, даже лучше, чем ты можешь себе представить). И когда ты вооружишься мыслями о скорой встрече, тебя обнимет настоящая радость — и ты будешь чаще молиться, ликовать и терпеливо ждать этого дня.

А речи о неправильности поступка с твоей стороны теряют всякое основание. Ведь моя мама уже считает тебя своей снохой и приучает внучат (детей моей сестры) называть тебя «тётей Нюрой».

Я продолжаю работать в школе: преподаю физику и черчение. Дома ежедневно пишу, читаю, жду твоего приезда.

Приветствуй своих родных и друзей от моего имени. Пиши мне буквально обо всём. Оставайся в мире, святости, любви.

Григорий Кузнецов
Сура, 18 октября 1947 г.

Эти два письма прямо-таки окрылили Аню. Её сердцем вновь овладело счастье: встреча состоится, надо только довериться Богу, и Он всё устроит как нельзя лучше!

Она ещё колебалась, ехать в Суру или не ехать, но ей неожиданно помог двоюродный брат, член коммунистической партии. Он пришёл к сестре в гости и, разговорившись во время ужина, предупредил:

— Если в течение месяца ты куда-нибудь не уедешь, тебя посадят... Срочно увольняйся!

Едва закончилась рабочая неделя, Аня помчалась в Плотаву, чтобы посоветоваться с матерью. Та встретила дочь, как всегда, с любовью и поскорее усадила за стол. Заметив её растерянный вид, поспешила обрадовать и достала из шкафа конверт:

— Вот, посмотри, что я получила.

Письмо было от родителей Григория.

Дорогая во Христе Иисусе сестра Евдокия Семёновна!

По милости Господа (и по Его неисповедимым путям) мы с Вами стали близкими и родными и желаем иметь совместное общение. Слава и честь нашему Господу — Он соединил нас, избрал Своей Невестой! Во веки веков аллилуйя Ему!

Сообщаем Вам, что наш сын Григорий и Ваша дочь Анна решили вступить в брак. На это есть воля Бога, на это есть и наше согласие. Поэтому мы призываем на них благословение Господа, ведь оно есть залог счастливой христианской семьи!

Для обсуждения предстоящего бракосочетания приглашаем Вас вместе с Анной к нам в Суру. Желательно приехать в ноябре или в начале декабря. Надеемся, Вы не против.

Остаёмся в ожидании.

С горячим приветом к Вам и любовью Иисуса Христа

Аким Григорьевич и Матрёна Фоминична Кузнецовы

Сура, 31 октября 1947 г.

Прочитав письмо, Аня откинулась на спинку стула и закрыла лицо руками. И зачем только она томила своё сердце мрачными мыслями? Почему не доверяла Богу? Почему без конца плакала и жаловалась Григорию на судьбу? Ведь Господь

всё делает прекрасно! Он никогда не торопится и никогда не опаздывает. Он всё делает вовремя!

Дорогая Нюся! Прими мой искренний привет!

Ты — моя, я — твой,
мы — Христовы, Он — наш.

Славлю моего Господа за то, что Он предназначил мне подругу, у которой нет тяги к мирским богатствам, к мирской чести, к мирской мишуре.

Желаю и молюсь, чтобы ты была спокойной, радостной и здоровой физически и духовно. Пусть Сам Господь укрепляет тебя! Перед тобой и мной лежит много труда на ниве Чудного Вождя. Этому труду мы должны отдать все наши силы. Во имя этого труда, через который прославится наш Спаситель, я объединяюсь с тобой в жизненный союз, моё самое любимое существо на земле!

Этот союз должен быть прочным, потому что наша любовь друг к другу неугасима. Этот союз должен быть благословенным, потому что мои родители и твоя мамочка молятся за нас Господу. Этот союз должен быть самым счастливым, потому что его созидает Сам Творец! Мы будем трудиться для Него, не считаясь ни с чем!

Инициативу во всём предстоящем мой отец берёт на себя и просит твою маму приехать в Суру вместе с тобой, чтобы договориться об условиях нашего бракосочетания (как это делается в евангельских церквах). Я полностью поддерживаю его. Предлагаю соединить это мероприятие с воспоминанием о рождении нашего Спасителя, во имя Которого и для славы Которого рождается новая семья Кузнецовых. Пусть это будет 7 января 1948 года!

Начатое в слезах окончится радостью, начатое в стужу окончится в расцвете и красоте лета, начатое Рождеством окончится Воскресением. Я непоколебимо убеждён: Сам Господь соединяет нас. Славлю Его за всё, всегда, везде!

Молюсь, чтобы Небесный Отец благословил твою поездку в Суру, благословил нашу встречу и нашу жизнь вообще.

Итак, наступило время тоскливого, но радостного ожидания приезда моей невесты. Буду считать дни и ночи. Буду ждать тебя. Твой приезд будет для меня счастьем!

Радость о нашей третьей встрече сокращает мои письма, оставляя неисчерпаемый материал для личных бесед в Суре. Во всём да благословит тебя Господь!

Неизменно любящий тебя по предназначению свыше
Григорий Кузнецов
Сура, 5 ноября 1947 г.

В середине ноября Аня уволилась и отправилась с сестрой в Суру. Мать поехать не смогла.

Кузнецовы встретили сестёр с распростёртыми объятиями, и Аня сразу почувствовала себя как дома...

Вечером, прежде чем лечь спать, она записала в своём дневнике: «Ах, Боже, я так счастлива! Мы с Григорием опять встретились! Неужели правда, что мы соединимся в нерушимый союз любви?! О Господи, я этого не заслужила, я недостойна быть женой такого человека! Как Ты благ к Своей немощной дочери! Моё сердце готово выпрыгнуть от восторга!

Я всё ещё удивлена происходящим, я всё ещё пытаюсь поверить в исполнение моих желаний, я всё ещё молюсь о нашей торжественной встрече — встрече за брачным столом! Я жду этого дня, воскресного зимнего дня, чтобы на всю жизнь соединиться с дорогим и любимым человеком — с тем, кого послал мне Сам Господь!

Я уже не лью слёзы — я бесконечно радуюсь. Я уже не терзаю свою душу — она покоится на груди Христа. Я уже не прошу для себя смерти — ведь рождается ещё одна семья. Я уже не убиваюсь и не тоскую — со мной Небесный Друг и друг жизни! О Боже, я счастлива! Очень счастлива!..»

Целую неделю Аня гостила в Суре. В беседах Григорий ежедневно укреплял невесту в вере, обращал её взор на Спасителя, создавал для неё все условия, лишь бы она не волновалась. Вечерами они все вместе пели, читали, молились.

В этот раз Аня расставалась с Григорием не с горькими слезами сомнений, а с твёрдой надеждой на следующую встречу.

О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия!
Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его.
Рим. 11, 33

Сегодня в учебнике по психологии прочитал следующее: «Меланхолик — это человек, отличающийся сравнительно малым разнообразием эмоций, но большой их силой и длительностью. Он откликается далеко не на всё, но когда откликнется, то переживает сильно, хотя внешне свои чувства выражает мало».

Мне кажется, в этих словах я вижу образ моей возлюбленной, подаренной мне Самим Богом.

Аня, милая моя, как ты себя чувствуешь?

Если бы ты знала моё состояние! Тоскую по тебе...

Сегодня прибыл на учительскую конференцию в районное село. Здесь услышал печальную и крайне неприятную новость — меня не отпускают с работы. Поэтому в Плотаву я, скорее всего, не приеду...

Но бракосочетание наше должно непременно совершиться 1 февраля в Москве. Всем родным и друзьям я уже послал приглашения.

Подготовь к этому празднику своих родных и друзей.

7 января — день молитвы и поста Кузнецовых и Ковалёвых о счастье молодой четы. Об этом я сообщил всем родным и друзьям в своих письменных приглашениях.

Всех участвующих в нашем торжестве мы просим молиться:

1) чтобы я и ты беспредельно любили Творца и исполняли лишь Его волю;

2) чтобы я и ты всеми силами души ненавидели не только грех, но и малейшее его проявление;

3) чтобы я и ты любили друг друга, как Христос — Свою Церковь и она — Христа;

4) чтобы наша единая жизнь была счастливой, радостной, благословенной.

Не забудем также молиться о том, чтобы Господь приготовил тебя и меня к брачному торжеству, чтобы Он Сам благословил его и был первым Гостем и Руководителем на нашем празднике. Пусть Ему и только Ему принадлежит руководство в нашем сочетании, в нашей жизни!

Для славы Его, для счастья нашего мы объединяемся в брачный союз.

Будем молиться и терпеливо ждать воскресенье, 1 февраля, — годовщину нашего личного знакомства.

До свидания!

Григорий Кузнецов
Большой Вьяс, 5 декабря 1947 г.

Аня поморщилась, но уже в следующее мгновение воспрянула духом: «Жаль, конечно, что свадьба переносится почти на месяц... И всё же надо повиноваться Господу — пусть будет так, лишь бы Он благословил нас...»

Рождество Аня отмечала в Плотаве вместе с молодёжью. Новый год — тоже. Забота о будущем побуждала её больше нуждаться в Господе, доверять Ему и чаще молиться.

Желания сбываются

Наконец наступило 1 февраля 1948 года.

Московская церковь торжественно приветствовала Григория и Анну как мужа и жену. Лицо невесты, обрамлённое русыми кудрями, светилось умиротворением и глубокой радостью. А белоснежное платье и ажурная фата подчёркивали внутреннюю чистоту этой простой деревенской девушки. Стоящий рядом с невестой Григорий запомнился присутствующим своим живым, открытым взглядом и вдохновенной, содержательной молитвой о Божьем благословении рождающейся семьи.

Аня тихо плакала, когда рука служителя опустилась на её голову и вся церковь просила Господа ниспослать Кузнецовым благодать и пойти вместе с ними по жизни.

Просьба церкви и всех надеющихся

на Божью милость была услышана на небесах. Не описать тех чувств, которые наполняли Аню в наступивших буднях, когда они с Григорием в утренней тишине питались хлебом жизни, когда в смирении преклонялись у ног Спасителя, когда вместе гуляли по лесным тропинкам и восторгались Божьей премудростью, когда спешили потрудиться на ниве Чудного Вождя, когда крепко держались за руки, словно боясь потерять друг друга...

В один из тёплых майских вечеров Григорий рассказал жене, что многие московские сёстры мечтали выйти за него замуж. Однако богатые, красивые, высокообразованные, дочери почитаемых служителей не смогли пленить его сердце. Он мечтал связать свою судьбу с узницей за веру...

Это открытие растрогало Аню до слёз: её дорогой муж, ещё не видя так называемую невесту, хранил ей верность!

А когда Григорий показал ей свой дневник, она прочитала там следующую запись.

Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут двое одна плоть

Быт. 2, 24

Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает

Мф. 19, 6

В Курске, во время второй встречи, 21 августа 1947 года, я подал руку и раскрыл сердце Анне Ковалёвой с просьбой соединить со мной жизнь для нашего счастья, для славы Господа.

Ответ положительный.

Мой Спаситель! Вся моя жизнь изобилует Твоими великими благодеяниями. Я не достоин их... Ты охранял меня везде и всюду, несмотря на мою частую неверность перед Тобой. Кроме счастья познания вечной Истины, Ты щедро создаёшь моё земное благополучие. И за что Ты послал мне навстречу такую жемчужину, Твою избранницу — Анну Ковалёву?! Это Твой подарок. Это Ты мне её доверил!

Умоляю Тебя, дай мне неугасимую любовь к ней, чтобы

я любил её так, как Ты возлюбил Свою Невесту — Церковь. Дай мне сил заботиться о ней, понимать все её нужды, приносить ей только радость. Не допусти в моих поступках такого, что могло бы её огорчить.

Прошу Твоего обильного благословения на нашу единую жизнь. Помоги в любых условиях (и во дни благополучия, и во дни жизненных невзгод) стремиться только к Тебе, только к небесам!

Дай нам прославить Тебя, наш любящий Господь! Вечная слава да будет только Тебе!

Как и желали того Григорий и Анна, их совместная жизнь потекла тихой прозрачной рекой, из которой жаждущие души могли брать воду утешения, ободрения и поддержки.

Григорий был искренним христианином, горячо любил Господа, и ему хотелось сберечь для неба не только собственную семью. По праздникам, а то и чаще, он собирал у себя в доме детей верующих родителей и проводил с ними библейские уроки. Спустя годы это служение дало хороший урожай — церковь пополнилась молодыми христианами.

На рабочем месте

Григорий тяготел к медицине, видя в ней своё призвание. Уже в солидном возрасте он окончил Курский медицинский институт и стал работать рентгенологом в районной больнице.

Как врач, он обладал изумительной способностью располагать к себе пациентов. Открыто и непринуждённо он разговаривал с людьми любого положения и сословия. Он не кичился своей грамотностью и образованностью. Он

мог проникаться болью ближнего и каждому старался помочь.

Брак ничуть не помешал Григорию трудиться для Бога и служить людям. Куда бы ни отлучался, он всегда слал жене пылкие письма, сочинял стихи.

Время от времени Анне приходили на память слова отца: «Я хотел выдать тебя за инженера, а ты всё испортила...»

Однако выводы безбожника были весьма ошибочны. Небесный Отец дал ей не только мужа-инженера и врача, но и служителя церкви, духовно зрелого и любящего христианина.

Каждый раз при воспоминании об этом Анна восторженно думала: «Как хорошо, что я доверила свою судьбу Господу! Ведь только Он знал, что для меня будет лучше — одиночество или замужество, — и повёл таким путём, о котором я не жалею.

Кто же я такая, что великий и вечный Бог проявляет ко мне столько любви?! Она превосходит всё моё разумение!

Судьба человека — от Господа

Близость моего Спасителя я чувствую постоянно, Его заботу о моей душе вижу день и ночь, Его ободряющий голос слышу на каждом шагу...»

Анна с трепетом подходила к брачному вопросу. Она боялась, что замужество помешает её христианству. Она не хотела, чтобы её любовь к человеку вытеснила или угасила любовь к Господу. Она не хотела, чтобы Григорий страдал из-за её недостатков, не хотела омрачать его жизнерадостность. Она страшилась мысли, что их дети могут пойти широким путём. Она всего боялась, обо всём переживала и обо всём этом молилась.

Милосердный Отец призрел на её искренность и преданность и сохранил от роковых ошибок.

А Егор Андреевич прожил остаток жизни на Донбассе. Семья долгое время ничего не знала о нём, пока он не заболел смертельной болезнью.

Три дочери, которых он люто ненавидел, решили навестить его. Исхудалый, потрёпанный жизнью, отец виновато смотрел на старшую дочь и, рыдая, просил у неё прощения за арест. Слушая его исповедь, Анна тихо плакала.

Умирающий атеист наконец согласился, что есть Бог, Который потребует у него отчёта за все мысли, слова и поступки. Только теперь он увидел свою нищету перед небом и понял, что единственное спасение от вечной кары — Голгофа. Туда и направил он свой взор в надежде получить хотя бы каплю Божьей милости.

Господь сжалился над бедным грешником и принял его в Свою славу прощённым, оправданным, с улыбкой на лице... Для Анны это было наградой за те муки, которые она вынесла, живя в отчем доме и находясь в заключении.

Послесловие

С женитьбой труд Григория Акимовича на Божьей ниве стал более обширным. Особенно после того, как супруги, взвесив все «за и против», переехали в Курскую область, в посёлок Пены. Церковь увидела в Григории Акимовиче хорошего душепопечителя и единодушно избрала его своим служителем.

Воскресным днём, 15 января 1978 года, Николай Иванович Минаев (служитель, ответственный за Курско-Рязанское объединение церквей), рукоположил Григория Акимовича в пресвитеры. С тех пор попечение о душах и их благополучие у пастыря стояло на первом месте. Он не только готовил назидательное слово, но и посещал многодетные семьи, ободрял унывающих, беседовал с охладевшими. Врач по призванию, он мог лечить не только тело, но и душу.

Почти каждый день у Кузнецовых в доме был кто-то посторонний. Нищие, бездомные, соседи, друзья — для всех находилось время, душистый чай и тёплые слова, помогающие взглянуть на жизнь по-новому.

Григорий Акимович ревностно участвовал в организации первых библейских курсов в братстве СЦ ЕХБ и был на них преподавателем. Он любил читать, писать, размышлять.

С большой охотой и завидным рвением он взялся составлять календарь библейского чтения на каждый день. В 1982 году «Евангельский луч» был отпечатан гектографическим способом и распространён по общинам Курской области.

Дети Кузнецовых — два сына и две дочери — пошли по следам родителей. Претерпевая те же нападки врага, одерживая

Проповедь — дело всей жизни

такие же победы, признавая те же приоритеты, ставя перед собой те же цели, они вместе со своими семьями служат Богу, любят Его и поклоняются Ему. Посеянное папой и мамой, дедушкой и бабушкой со слезами — дети и внуки пожинают с радостью.

Ближе к старости Григорий Акимович и Анна Егоровна начали молиться о том, чтобы в Небесные обители Господь перевёл их вместе. Они просто не представляли себе жизни друг без друга!

Летом 1989 года у Григория Акимовича обнаружилось серьёзное заболевание, и его положили в больницу города Курска. Он терпеливо перенёс хирургическое вмешательство и веселее смотрел бы вперёд, если бы не издёвки соседей по койке. Те ничего не хотели слышать о Боге и лишь подтрунивали над старцем, наивно «уповающим на Господа Бога». Григорию Акимовичу было очень неприятно от такого невосприятия столь драгоценной веры.

Одна из дочерей заметила потухшее настроение отца и рассказала об этом матери. Узнав причину переживаний всегда мужественного и терпеливого мужа, Анна Егоровна срочно написала ему письмо.

Мой золотой муженёк, моё солнышко, моя радость! Нежно приветствую тебя!

Дочь говорит, ты унываешь. Да разве можно? Унывать свойственно тем, у кого нет Небесного Отца. А мы — дети Царя царей! Прочь всякое уныние! Не обращай внимания на

худые речи окружающих. Наш Бог, в Которого мы веруем, — всемогущий. Разве ты это забыл?

Вспоминаю твою молитву перед операцией. Ты так искренне доверился Господу! До сих пор радуюсь твоей глубокой вере. Не слушай голоса врага. Он лжёт. Не верь ему. Вспомни, сколько мы имеем обетований — вот наше счастье!

Тебе не идёт унывать. Я представляю тебя радостным, и таким ты должен остаться навсегда! Помнишь слова друзей Иова? Они говорили ему: «Вот, ты утешал других, а коснулось тебя — и ты уныл...» Разве можно? Будем надеяться на Божью милость.

За тебя все молятся — радуйся этому! Заходят, спрашивают о твоём состоянии. Даже внук с семьёй хочет приехать из Пензы. Вот как тебя все любят!

Тебе есть чему радоваться. Ты сам мне говорил, что от настроения больного зависит многое. Поэтому ободрись, не унывай! Больше ходи, тебе это нужно для выздоровления.

Моё состояние нормальное. Только скорблю, что ты унываешь. Ободри же меня своим прежним оптимизмом. Да поможет тебе во всём Господь!

Мы ждём тебя! Скорее приезжай домой!

Твоя Анна

После выписки Григорий Акимович чувствовал себя неважно. Анна Егоровна смотрела на него со слезами, приговаривая: «Мы не сможем жить друг без друга...»

На сентябрь больному была назначена ещё одна операция, но до неё он не дожил.

Последние дни августа выдались необычно жаркие. В то утро Григорий Акимович лежал в своей комнате, а Анна Егоровна вышла во двор. Неожиданно ей стало плохо. Дети усадили её на стул в тени и вызвали скорую помощь. Больная едва успела помолиться и потеряла сознание. Очередной гипертонический криз оказался для неё роковым...

Дети скрывали своё горе от отца, не желая добавлять ему страданий.

Вечером он тихо спросил:

— Где мама?

— Спит, — как можно спокойнее ответила дочь.

Наутро этот же вопрос повторился. Григорий Акимович, скорее всего, недоумевал, почему его дорогая Нюся не заходит к нему, как это было раньше, почему не слышно её энергичных шагов и звонкого голоса. В последнее время она не оставляла его одного!

— Где мама? — спросил больной после обеда.

— Спит... — еле сдерживая чувства, проговорила дочь.

— Она глубоко спит? — уточнил Григорий Акимович.

Пояснений не требовалось. Опытный медик хорошо знал последствия гипертонической болезни.

— Анна умирает... — беззвучно прошептал он, и по его бледным щекам покатились слёзы.

Ранним утром 31 августа 1989 года Анна Егоровна ушла к Тому, Кого беззаветно любила, ради Кого страдала и Кто был её бесценным сокровищем на протяжении всей многотрудной жизни.

Григорий Акимович не смог присутствовать на похоронах своей дорогой и милой Анны. Он лежал в комнате и сосредоточенно прислушивался к минорному плачу духового оркестра во дворе. Потеря жены нанесла ему непоправимый удар.

Понимая, как отцу и дедушке трудно, дети и внуки вечерами собирались возле него и много пели. Не открывая глаз, он всё время повторял: «Хочу домой, к Иисусу...»

Это сердечное желание преданного Богу христианина исполнилось 9 сентября 1989 года.

Семейный путь Григория и Анны, начатый в период гонений, закончился в дни свободы. Вступившие в брак морозной зимой, они покинули этот мир в жаркую пору. Их надгробный памятник украшают восторженные слова из Библии: «Любезные и согласные в жизни своей, не разлучились и в смерти...» (2 Цар. 1, 23).

Счастливое семейство Кузнецовых, 1961 г.

Даже взрослые дети остаются детьми для родителей

Григорий Акимович и его соратники в Божьем деле

Чета Кузнецовых с потомками

Содержание